

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР
ШУШЕНЬКОВ

БЕСКОНЕЧНАЯ ЖИЗНЬ
МАЙОРА КАФКИНА

Наши там (Центрполиграф)

Александр Шушеньков

**Бесконечная жизнь
майора Кафкина**

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Шушеньков А. Б.

Бесконечная жизнь майора Кафкина / А. Б. Шушеньков —
«Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08822-2

Отставной майор стройбата Кафкин хотел заниматься огородничеством, а не путешествовать в различных ипостасях верхом на стреле времени. Но Судьба-злодейка, еще и через черную дыру, бросила его из Будущего в параллельную Вселенную! Зачем? Ловить на Ямайке беглого олигарха... А оттуда – в первоначальный образ отставника засунула, чтобы вновь отведать гималайский эликсир и вступить на бесконечные круги бессмертия!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08822-2

© Шушеньков А. Б., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Шушеньков

Бесконечная жизнь майора Кафкина

От автора

Не верь, читатель! Не было ничего из того, что описывается ниже! Не было этого, да и быть не могло!!! Хотя... Может быть, случилось это все же в одной из бесконечных параллельных вселенных? И, кстати, кто сказал, что они не пересекаются?

Часть первая Зелье кришнаита

Глава 1 Юбилей отставного майора

Началась эта история давно и до сих пор конца не имеет. А виновата во всем жена Верка. Жердь. Швабра. Из-за ее бабьих поэтических амбиций отставной майор-замполит Григорий Францевич Кафкин оказался в ситуации, когда умирай не умирай, а жить будешь вечно!

Кто же она, эта чертова поэтесса, и как довела супруга до такого состояния? Знакомьтесь: Вера Владимировна Кафкина (бывшая Крупская), тридцать восемь лет, сто восемьдесят один сантиметр в длину, бездетная, домохозяйка. Костлява, уродлива, сварлива. Прикидывается душой, но, однако, хитрая, как дворовая кошка!

Когда исполнилось двадцать лет, она отправилась в гости к замужней сестре в военный гарнизон, в Сибирь. Вроде как бы проведать, а на самом деле – мужа подцепить из местных холостяков. И ведь повезло профуре: клюнул на нее юный да неопытный замкомроты по политчасти лейтенант Кафкин. От безысходности, конечно, клюнул, потому как в том месте с молодыми девицами была крайняя напряженка. А жениться-то надо, иначе просто сопьешься... Вот так и пошла жизнь под откос!

Пока СССР существовал, можно было строить виды на урожай, на карьерный рост. А потом объявили перестройку с ускорением и гласностью. И все полетело к чертям собачьим. Еще, слава богу, успел Кафкин достичь должности батальонного замполита и погоны майорские получить. А дальше – вывод за штат, увольнение. Придрались к тому, что сломал челюсть воину во время рассказа о счастливом будущем страны... На гражданке получил от военкомата трехкомнатный дом с огородом, и пожелали ему счастливого пути. Вот и все. Так стал огородником.

Он привез из деревни Шапкино к себе мать, Клавдию Васильевну, и высадил под ее руководством капусту с картошкой да помидорами. Стал за ними ухаживать и внезапно ощутил в этом призвание. Гораздо лучше и спокойнее это занятие, чем с офицерьем да воинами мучаться! Там нервы нужны, а здесь – разлюли-малина! Черви почву бороздят, жуки копошатся, бабочки порхают, муравьи субботники проводят. Каждый добросовестно отдает свой долг, и все – без понуканий, не то что в осточертевшем стройбате!

Кафкин присматривался к насекомым. «У них ведь тоже своя служба, – думал он, – свои трудовые будни и свои проблемы. Тоже, наверное, хотят понять, для чего живут? Вот бежит жук по своим делам. Куда? Возможно, у него тоже жена есть? Ждет дорогого супруга с лаской и вниманием. Понимает, что муж нуждается в отдыхе. Не то что эта!.. Бабочки, вон, вьются парами. Паучок паутинку лазурную сплел. Пчела собирает мед для детей. И все мирно, без ругани и скандалов».

Короче говоря, стало Кафкину хорошо и спокойно с насекомыми. И нервы, что поистрепал за годы нелегкой службы, восстанавливаться стали.

А вот Верка недовольна была. Думала после службы в Москве или Питере осесть, а пришлось ехать в маленький областной центр с поганым снабжением. Огородничеством она заниматься решительно не желала. «Я, – говорит, – майорша, имею духовные запросы! Лучшее время жизни в дыре угробила, так хоть теперь начну расцветать! Хочу культурно обогащаться, тем более что ты – импотент! Детей сделать не можешь, ну и помалкивай на огороде. А я буду стихи писать, с культурными людьми общаться!»

Вот оно, куда повернула?! Культуры захотелось, Швабра?! А кто не давал штудировать материалы партсъездов, изучать Маркса с Энгельсом? Не желаешь огородничать – ступай в столовую посуду мыть, как делала до замужества! Жрать-то любишь?! Сейчас видишь, какие времена?

Времена были тяжелыми. «Лихие девяностые» ломали прежние устои, рушили скрепы, корежили судьбы, и вершились на территории страны дела чудные, дотоле невиданные и неслыханные.

Верка поволокла свои вирши в местную желтую газетенку «Два плюс два», специализирующуюся на сенсациях, разоблачениях и чудесах. И там дуру заарканил ответственный секретарь Игорь Дубов. Очкарик всеми силами надувал тираж, ничем не брезговал, и к тому времени печатал из номера в номер проплаченные статьи о странствующем госте города – проповеднике Общества сознания Кришны господине Бхагмахаббурхане, который, однако, откликнулся и на бывшее свое советское имя Федор.

Это – только присказка. А сказка началась, когда пришло время майорского юбилея. Сорок лет – круглая дата! Кафкин хлопотал по продуктам, а жена торчала в редакции. Так и получилось, что она, неожиданно для мужа, пригласила на празднование «для интеллигентства» пронырливого очкарика Дубова и кришнаита-йога Федора!

Их интерес объяснялся просто: Дубов надеялся вытрясти из Кафкина сенсационные детали о неуставных отношениях в армии, а проповедник изыскивал любую возможность завербовать новых сторонников. Они принесли подарки: Дубов, заявив «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!», преподнес скульптуру голой женщины из папье-маше и книгу «Превращение» неизвестного Кафкину автора Кафки, а йог Федор – сандаловые палочки и небольшую бутылку настойки из гималайских растений.

– Это – для долголетия, – пояснил он. – Эликсир бессмертия по рецепту Кришны. Можно жить вечно, и, как минимум, увеличивает жизнь в два раза – на себе испытал. Гарантия – сто процентов! Только помаленьку нужно пить: глоток в неделю. Категорически не больше. Это ж ведь – Шамбала, перерождение душ...

Сперва неожиданные визитеры произвели впечатление на родных и приятелей майора: семидесятипятилетнюю мать Клавдию Васильевну, магаданских родителей жены Владимира Ильича и Надежду Иосифовну Крупских, переулочных соседей Харитона и Елену Оборвышевых. Еще один сосед – отставной полковник советской бомбардировочной авиации Спиридон Гаврилович Котенко, поначалу воспринял их с подчеркнутым равнодушием. Он-то понимал, что самое правильное ученье – не от оранжевых кришнаитов, а от Сталина.

Кафкин, имея опыт общения с массами, легко нашел общий язык с новыми знакомыми. Ему показалось лестным предложение Дубова рассказать о трудностях армейской службы. Конечно, служил он не в настоящей армии, а в стройбате, в «королевских войсках», так сказать... Но зато какие там бывали случаи!

Юбилей, праздновавшийся во дворике посреди деревьев черемухи, получился успешным. Мать желала Кафкину семейного благополучия, кришнаит – бессмертия, Дубов – «сбычи мест», Котенко – повышения военной пенсии... Пили за него, за мать, за жену, за Родину, за... За что только не пили, если – честно и откровенно!

Не обошлось без небольшого эксцесса. Сосед Харитон, пропустив несколько стопок яблочного самогона, заговорил о космических пришельцах, внеземном контакте, потом зашатался, опрокинулся на стоящие неподалеку вишневые майорские «жигули», а дальше уж простыми матерными словами стал выяснять отношения с женой Еленой.

– Жалко, что мы не успели об огороде покалякать, – произнесла она, прощаясь. – Видите, Харитон какой? Все о космосе и пришельцах пургу несет. А вы много капусты высадили? Гусеницы жрут? Я уж и не знаю, что с ними делать.

Оборвышевы удалились, а пирушка продолжилась с нарастанием праздничности. День постепенно превратился в вечер, стало прохладнее, защелкали в округе кузнечики со сверчками, кришнаит зажег принесенные ароматные палочки. Этот дородный лысый господин лет сорока, одетый в просторную оранжевую тогу-простыню, положительно нравился Кафкину. Добрая улыбка, обходительность, мягкие манеры...

Престарелый ветеран ВВС Спиридон Гаврилович Котенко не мог успокоиться. Его оранжевый гость раздражал.

Котенко искал подходы, чтобы опозорить кришнаита, и для этого выяснял: верно ли, что после смерти люди не умирают? А переселяются, к примеру, в собаку? Или – птицу?

Федор сперва отвечал кратко: да, верно, превращаются. Но тема – серьезная. Вступайте в наше Общество – тогда все подробно изложу. Даже выясним, кем станете в будущем. Но вначале – членский билет и взнос. Желательно также завещать дом и все остальное общине.

Котенко злился. Юлит сектант, увиливает! Никак не получалось его прищучить. Ишь ты, верблюд гималайский! Сталин ничего не говорил про переселение душ! Постепенно их диалог привлек внимание остальных, и кришнаит заговорил громче и решительнее:

– Любой ишак знает, что душа – бессмертна, хотя и носит разную оболочку! Раньше, допустим, был клоп, а потом, после перерождения, стал полковником. А дальше, например – коровой. Священное животное, между прочим! Как и обезьяны-мартышки...

– Тьфу! – плюнул Котенко. – Только мартышек еще не хватало!

– ...которые ведут правильный образ жизни – не плюются в общественных местах, к примеру, – продолжил невозмутимо Федор, – те обретают человеческую плоть. А бывает и – наоборот. Среди людей тоже скотов хватает, не в обиду некоторым будет сказано. Но международное Общество сознания Кришны всякого принимает, даже военных отставников. Мы – дети одного бога, а Кришна – его верховная форма.

– Извините, – не выдержал Кафкин, – но ведь марксизм-ленинизм отрицает любых богов?

– Это раньше так считалось, – не смутился Федор. – Теперь даже западная наука признала Кришну. Джордж Харрисон, например. Что ж, думаете, нас просто так легализовали? Да если хотите знать, Джуна на армию секретно работала еще при Советском Союзе!

Кафкин развел руками:

– Я слышал, и Чумак воду заряжает целебной радиацией?

– Чумак – шарлатан. Спаивает население. А вот мы имеем тысячи лет подтвержденных фактов. Мяса избегаем, спиртное не пьем, на сторону не гуляем, никотин не курим. В очко и прочие азартные игры не играем. Потому будем перерождаться на более высоких кругах сансары. А потом – нирвана!

Полковник Котенко совершенно потерял контроль над собой и стал, брызгая слюной, утверждать, что кришнаиты оттого избегают алкоголь, что без приема мяса слишком ослабли.

– Косеете вы быстро, вот и все дела! – кричал Спиридон Гаврилович.

– Папаша, вы не правы, – возражал журналист. – Еще неизвестно, кто слабее: йог-кришнаит или отставной ветеран.

Спор вышел нешуточный, и раззадоренный йог заявил наконец:

– Да я раньше, признаюсь, столько пил, что дай бог каждому! Потому и стал проповедником Кришны, чтоб завязать. И помогло! А вы как думаете? В Обществе нашем одни аскеты? Хрена! Не согресишь – не покаешься! Мы воздерживаемся не оттого, что не можем, а просто нам этого не надо. Харе Кришна!

– Чушь! – долдонил упрямый Котенко. – А давай попробуем: кто кого перепьет? Мне сейчас – шестьдесят с хвостом, а любого йога за пояс заткну. Наливай!

Кафкину был интересен гималаец, и очень раздражал выживший из мозгов приятель-полковник, которого, однако, надо было терпеть: как-никак сам приглашал.

А Федор между тем не выдержал:

– Ладно. Только, чур, если я выигрываю – вступаю в Общество.

– Не бойся, вступаю, – согласился старик. – А вот ты, если я тебя перепью, достанешь мне пять кило сала! Поехали!

Естественно, он окосел уже после второго стакана. Вытащил из внутреннего кармана потрепанную книжку «История ВКП(б). Краткий курс», уложил на стол рядом с еврейским салатом да и возложил на нее голову.

Старики Крупские после этого переглянулись, встали из-за стола и отправились в избу. А Федор развеселился и принялся вещать поредевшей аудитории.

– Бутылка на двоих людям Кришны, как стакан нарзана непосвященным, – говорил он, ловко счищая вилкой шашлык с шампура на блюде. – Главное – постоянно петь мантры. В них вся сила. А основа духовной практики – киртан. Конечно, также – полное бескорыстие, куда без него перерождаться? Только с ним очищается карма, а мы освобождаемся от материального рабства.

– Это что еще за «киртан»? – смутилась Клавдия Васильевна.

– Групповое воспевание Кришны, – ответил Федор. – Не бойтесь, это не та «групповуха», про которую подумали.

– Ничего я не думала, – обиделась та. – Пойду спать. Не пейте много!

Она ушла, а йог продолжал проповедь:

– Я здесь, чтоб призвать всех к безграничной любви к Кришне. Придут дни, когда Кришну будут славить везде – хоть в Магадане, хоть в Кремле! Мы придем с мридангами и караталами и устроим киртан у дверей Мавзолея! Чего нам бояться, коли Кришна с нами?!

Григорий Францевич глянул на супругу и изумился: та слушала лысого, как загипнотизированная. Возможно, аромат от палочек подействовал? Да ему и самому все нравилось, напоминало политзанятия, которые проводил он с воинами.

– Вот, смотрите! – Федор выхватил из оранжевых складок тоги несколько книг с яркими обложками и воздел их над блестящей лысиной. – «Бхагавад-гита», «Шримад-Бхагаватам». Не забывайте Кришнамурти, будьте на высоте, углубляйтесь в Кришну, пойте мантры! Ну, за перерождения, братия!

Наступила тишина, которую решил нарушить уже сам Кафкин. Пришла пора поделиться с Дубовым и остальными этапами славного боевого пути. Журналист, впрочем, вместо того, чтобы записывать откровения Кафкина, налегал на шашлык и переглядывался с его женой.

Дыша редкостным ароматом горящих йоговских палочек, погрузневший Кафкин повествовал о своих подвигах в борьбе с агрессивными натовцами и американскими авианосцами. Потом запьяневшая жена читала ему стихи-посвящения, потом пели песни на стихи Есенина, потом Дубов кричал, что завтра непременно придет с магнитофоном и запишет все подвиги Кафкина, потом все снова слушали йога, который вместо пения мантр перешел на понятный русский язык.

– Нам, бляха-муха, надо блюсти, ептыть, духовность! – кричал лысый проповедник. – Рыбу – ни грамма, ептыть, спиртного – ни литра! Есть одно мясное, плоды, овощи, грибы. Фрукты. Мак... Анашу – не каждый день, ептыть, а по праздникам можно и ширнуться!

Он ударился лицом в селедку под шубой и умолк.

– Мы, Григорий Францевич, еще переплюнем Полякова с его «Ста днями до приказа», – пробормотал журналист, обратясь к юбиляру. – Завтра сделаем с вами очерк-интервью о неуставных отношениях в Российской армии. Ух, какую эпохалку сварганим!

– А какую книжку вы Грине подарили? – встряла Вера, поглаживая голову захмелевшего супруга.

– Да, какую? – поддержал Кафкин. – Об чем книжка?

– Дело-то не в том, о чем в ней написано, – пояснил любезно Дубов. – Важнее, кто автор.

– Ну и – кто? – спросил Григорий Францевич.

– Вот! Фамилия его – Кафка. А? Слыхали про такого?

– Нет, – признался Кафкин.

– А я ведь вам, Григорий Францевич, специально его решил преподнести. Как Вера Владимировна сообщила, что вы имеете фамилию Кафкины, так я и смекнул. Вы – Кафкины, а он – Кафка. А? Символизм! Может, и родственные связи имеются. Вот потому и решил эту книжку подарить. Кстати, «жигули» у вас на ходу?

– Пару лет назад купил. Ни разу не ремонтировал еще, – ответил Кафкин, заинтригованный оговоркой про возможные родственные связи. – А вот с книжкой вы правы... Очень интересно. Тем более что в школе меня «кафкой-пиявкой» дразнили. А этот писатель, он – не классик, случайно?

– Классик, – обрадовал Григория Францевича журналист. – Мировая знаменитость из Праги. Такие темы поднимал!..

– Вот как? – заинтересовалась Вера и принялась наполнять стаканы. – Здорово! А, Гриньчик? Прага! Чешский хрусталь!

Кафкин почувствовал прилив энергии. Однако! Мировой писатель в родственниках! Прага... Там ведь «шкоды» клепают. Хорошие автомобили, гораздо лучше вшивых «жигулей»!

– Вы по отцу – Францевич? – спросил Дубов.

– Да.

– А писателя того звали Францем! – довольно воскликнул Дубов. – Ну, за родственников!

– За родственников! – горячо поддержали Кафкины в один голос.

– Не больше глотка в неделю! – отозвался на это из селедки под шубой йог.

Происходящее потом Кафкин контролировал с трудом. Вероятно, аромат йоговских палочек был тому виной, а только очнулся он страшно вспотевшим в чулане на материнском древнем кованом сундуке. В него после отставки и переезда он плотно упаковал артефакты, что взял из части в память о службе. Хранил там массивную мраморную чернильницу, клубный барабан, запасные мундиры, парадную и повседневную шинели, полевую сумку, хромовые сапоги, пару фуражек, шапку, портупею и еще – новенькие подполковничьи погоны, что так и остались нереализованными.

От лампочки исходил тусклый желтоватый свет, обстановка перед глазами чуть вращалась. Было очень жарко и хотелось пить. Он стал сосредотачиваться, озирая прогнущиеся полки с пачками газеты «Красная звезда», томами сочинений Ленина и партийных съездов.

Почему он не в спальне с Веркой? Где все остальные? Который час? Не пора ли на службу? Ах да! Какая служба? Все в прошлом. Том прошлом, когда часто приходилось ночевать вне дома. Есть такая профессия – Родину защищать!

Командирские наручные часы показывали половину второго. Ночь, как видно. Все еще спят. Тут он начал помаленьку вспоминать... Каков жук Котенко, однако! Книгу сталинскую вместо подушки использует, хоть партия давно уже заклемила культ личности. В маразм впал. Жарища! Эх, попить бы!

А это что? В левой руке Кафкин обнаружил книжку классика-однофамильца, раскрытую на первой странице. Понятно: захотел почитать, да, похоже, сон и сморил.

С кем не бывает! Есенин, бывало, пил, как священная корова. А начальник училища? То-то. А что в кармане штанов имеется?

Он сунул руку в карман и почувствовал гладкую теплоту. Да это же подарок йога. Ай, молодец, не забыл прихватить! Вот и утолим жажду! А потом почитаем, что написал чехословацкий предок. Если он, конечно, на самом деле родственник. А почему бы и нет? Такое бывает. И в «Известиях» раньше писали, что Инюрколлегия разыскивает наследников миллионера такого-то... Вдруг писатель оставил после себя миллионы, а детей и близких родственников нет? Вот и у них со Шваброй нет детей. Это, конечно, не его вина. Сама виновата, импотентка старая!

Короче, надо налаживать родственные контакты. Но сперва – напиться! Нет – раздеться вначале, а то уж слишком жарко. Кафкин полностью обнажился, вынул подарок лысого йога из штанов, и с любопытством осмотрел фигурную иностранную бутылочку. Любопытно. Травы целебные из этой... из...

Он захотел припомнить название местности, откуда привез жидкость лысый, но не сумел. Тем более надо принять, подумал Григорий Францевич. Взбодриться, а то строчки скачут!

Напиток ударил в голову невероятным блаженством. Кафкин позабыл обо всем на свете, и, зажмурив глаза от удовольствия, единым духом высосал до дна. У него немедленно появилось ощущение фантастической легкости и какого-то неземного полета. Этакого порхания, так сказать.

«Вот что значит импортный продукт, – подумал Григорий Францевич, – умеют же люди делать. Это не российский яблочный самогонище! Прямо-таки душа поет! Надо завтра йога отыскать да заказать еще пару пузырей! А теперь – за дело! Во-первых, читать предка, во-вторых, завтра же начать оформлять наследство, в-третьих, готовиться к переезду в Прагу. Позднее надо будет „шкоду“ приобрести. Или сразу, кадиллак“?»

Затем Кафкин приблизил книгу к глазам и прочел:

– «„Превращение“. Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое...»

Тут внезапно навалилась на отставного майора жуткая слабость, и утащила она его в какой-то бесконечный и беспросветный туннель.

Глава 2

Преображение

Пробуждение оказалось тягостным. Сперва Кафкин понял, что не спит. Потом ощутил тяжесть в теле и кружение в голове. Потом стало ясно, что надо вставать. Домашние дела ждут; вероятно, придется убирать объедки; жена заставит мыть посуду и уносить мусор. Ох уж эти юбилеи!..

Вчера, похоже, перебрал. Что же там было? Воспоминания были отрывочны и обрывались на моменте, когда они с журналистом условились о сегодняшней встрече и записи интервью на магнитофон. А потом? Черт его знает! Кстати, еще до того пообещал спьяну подарить полковнику Котенко свою «Советскую военную энциклопедию». Болван! Так разбрасываться ценными книгами!

Голова болела. «Все же зря мы себя не щадим, – вздохнул Кафкин. – Пьем алкоголь, нагружаем печень и мозговое вещество. И это – вместо того, чтобы культурно посидеть с рюмкой минеральной воды. Ну, в крайнем случае – добавить туда, чисто символически, чуть-чуть коньячку. Только нынче путного коньяка не отыщешь. Сплошная левота из спирта „Ройял“ и виноградного сока. Запросто можно отравиться; оттого и приходится самогон яблочный употреблять. Дрянь-то какая! И кому на ум взбрело гнать его из яблок? Уж лучше бы – из капусты! Эх, сейчас бы капустного рассольчику хлопнуть!»

Кафкин чуть шевельнулся и ощутил, что рука онемела. Ну что ж, будем вставать... Попытался приподняться, но тело не слушалось, и пришлось раскрыть глаза. Что это? Это что такое?

От головы вместо нормального человеческого тела шла отвратительная зелено-желтая сосиска с черными пятнами-бородавками, из которых топырились длинные черные волосы. Присутствовали также омерзительные бледные отростки, один из которых как раз и ощущался онемевшей рукой! Изловчившись, Григорий Францевич смог чуть приподняться и изогнуться на сундуке уродливой латинской буквой L.

Белая горячка? Чушь, с коммунистом такого быть не может. К тому же раньше приходилось и побольше выпивать. И ничего такого не мерещилось.

А сколько же он осилил? Да нет – не больше обычного. Ведь и ночью просыпался, и был в полном порядке, вспомнил Григорий Францевич. Книжку читал... или – не читал? А еще... «Да я ж отвар засосал, – вспомнил внезапно Кафкин. – Целый флакон! Отвар... Подарок лысого. А что лысый говорил? Не больше глотка... В неделю! А я – за один раз! Эликсир бессмертия, растудыть его! Это что же? Я теперь – бессмертный? Чепуха! Не может быть!»

Паника стала волнами нарастать, и Кафкин вспомнил еще, что лысый толковал про перерождения. Даже тост поднимал за это. Вот тебе и подарочек! Опоил, скотина оранжевая! И превратил в... «Да в кого же я превратился, – в ужасе подумал Кафкин. – В змею? – Он посмотрел на свои руки. – Какие, к черту, руки, мать вашу! Просто щупальца! Сколько же их?»

Он принялся считать щупальца, и оказалось, что их – шестнадцать штук. Шестнадцать! «У змей столько не бывает, – подумал Григорий Францевич. – Змеи, они – не такие. Значит, получается, что я – гусеница? Ну, блин, спасибо, кришнаит проклятый, вот уж уважил так уважил!

А зачем кришнаиту провокация? Да очень просто: его в Индии завербовали и поручили уничтожать офицерский состав Российской армии! То-то он по стране разъезжает, подлец! Приехал, превратил офицера в насекомое, и дальше покатило. Вот диверсия так диверсия! И ведь никто не догадается!

А он, наверное, и журналогу подкупил. Запросто. Дал ему американских долларов, а тот и рад: вербует простаков. К Верке в доверие втерся. Вот так и создаются пятые колонны! Надо

сегодня же довести до компетентных органов, что в стране создана шпионская сеть под видом кришнаитского общества. Используют спецсредства и гипноз!

Эх, сейчас бы капустки пожевать! Пора выбираться из чулана». Он принялся опускать свое окончание с сундука, и в этот момент из коридора раздались голоса тестя с тещей. Они, как видно, говорили о нем. Так и есть!

– А где юбиляр? – спросил Владимир Ильич. – Ему же нас везти на вокзал. На огород пошел?

– Какое там, – ответила Надежда Иосифовна. – Наверное, смотался к алкашу-приятелю, да пьют спозаранку. Говорила Верке: плюнь на этого импотента, разведись! Нет, майоршей быть хотела. Вот и дохотелась: детей нет, муж – алкаш!

«Сама ты импотентка», – разозлился Кафкин. Хотел было выругаться, да вдруг почувствовал, что языка-то нет! И зубы отсутствуют. А верхняя губа стала твердой и большой и закрывает нижнюю. Та тоже стала твердой. Эге, а говорить-то теперь можно?

Он попытался произнести: «Здравствуйте, товарищи», но сумел выдать только злое шипение. Вот непраха! Как же теперь сообщить кагэбэшникам об иностранных агентах? Записки писать?

Магаданская теща услышала шипение и насторожилась.

– Что там? – беспокойно спросила она. – В чулане. Слыхал? Вор залез?

– Да что там воровать? – ответил тесть. – Макулатура да дохлые пауки.

Осел! Какие еще «пауки»? Говорил же ему, что тут находится партийная периодика, а со временем оформится «Ленинская комната»!

– Надо Верке сказать, чтоб нашла этого кастрата, – заметила теща. – Хоть и алкаш, а нечего с утра водку пить! В армии его, извращенца, хоть дисциплина держала, а теперь, вишь ты, – почуял волю!

Они ушли дальше, а Кафкин, опустившийся нижней частью тела на пол, стал вырабатывать план действий. Главное – найти оранжевого колдуна и потребовать, чтобы вернул прежнее естество. Откажется – по суду затаскать! Влепить иск на пару миллионов долларов! А как иначе?

Соображение об иске повысило настроение. Но требовалась помощь жены. Следовательно, надо добраться до нее и дать понять, что в гусеницу он обратился случайно, из-за оранжевого кришнаита. А чтобы вернуться в человека, надо просто накатать заявление в суд на лысого. Делов-то!

А как пояснишь? Вот как: берется в рот авторучка, и пишется Швабре послание. И это – правильно! Она как узнает, что речь идет о миллионах, всю душу из йога вытрясет. Главное, чтобы Крупские уехали. Эти могут панику поднять раньше времени. Не люди – пауки! Короче, конспирация нужна.

В коридоре стояла тишина. Видимо, Крупские уволоклись пить чай во двор, а мать и жена еще спали. Отлично! Кафкин отворил ртом чуланную дверь и двинулся по коридору необычными волновыми сокращениями, приподнимаясь передней частью и подтягивая затем заднюю. Позади оставались зеленые мокро-слизистые пятна. Миновав коридор, навалился туловищем на дверь семейной спальни. Та отворилась без скрипа. Аккуратно прикрыл дверь.

Верка похрапывала на пуховой перине, свесив худую жилистую руку почти до пола. «Ишь как сопит, Швабра, – подумал Кафкин. – Надо писать, пока не очухалась. Проснется – а вот и записочка! Так, мол, и так, дорогуша...»

Он приподнялся передней частью и поискал на прикроватной тумбочке жены блокнот и авторучку. Поэтесса всегда держала их под рукой, но сейчас их не было видно. Озадаченный, Кафкин обратил внимание на раскрытую косметичку. Да ведь там у нее помада хранится! Самое то, что надо: дверь белая, так что надпись будет очень заметна. Главное – покрупнее написать.

Вытряхнув косметичку, он обнаружил помаду. Замечательно, все шло по плану! Вынул ртом помаду и несколько минут пытался с его помощью выдавить красную вонючую массу из пластикового вместилища. При этом ему поневоле пришлось не только вымазаться, но и попробовать саму помаду. «Какая же это гадость, – подумал Кафкин. И как только они ее мажут каждый день?!»

Затем он подполз к двери, приподнялся и принялся писать: «Верочка, это отвар йога, он меня превратил...»

Сзади что-то охнуло, и Кафкин обернулся. Так и есть: жена очухалась и тарашит буркалы на него. Дура! Он подмигнул ей, мол, все в порядке, сейчас напишу разъяснение, но тут Швабра взвизгнула и швырнула в него подушку. Попала, да так, что помадный тюбик от внезапности удара оказался полностью во рту и проглотился. Тьфу!

Кафкина чуть не вырвало. Он потерял равновесие и упал на пол. «Натуральная Жердь», – подумал Григорий Францевич, глядя снизу на жену. Та, похоже, преодолела страх и смотрела то на него, то на дверь. «Читает, – понял Кафкин. – Читай, читай, голуба. Главное – не нервировать психопатку. Прочитает – и все поймет. Надо лишь подождать».

Жена действительно все поняла.

– Вот, значит, как? – пробормотала она спустя несколько минут. – Допрыгался! В гусеницу превратился? Здорово. И сразу – ко мне? Любви захотел?

«Беситесь Швабра, – заволновался Кафкин. – С утра она всегда такая. Надо бы задобрить...»

Он постарался ласковыми подмигиваниями дать ей понять, что не надо злиться. И даже было стал шипеть, мол, все нормально, Веруня...

– А помаду нарочно взял? – продолжала накаляться Швабра. – Что, не мог уголь со двора принести или кирпич? Гад ты был ползучий, Кафкин, им и остался!

За дверью раздался голос тестя с тещей и еще – фальцет бывшего авиатора Котенко. Тот чего-то требовал.

– У вас я ее оставил! – выкрикивал Котенко. – Мне она дорога, как память о родителе! Я отлично помню, что спал на ней! Наверняка лысый спер! Где Григорий?

– Сами с утра ищем, – заискивающе ответила теща, а потом раздался грохот, и тесть завизжал:

– Ай! Он же весь коридор загадил! И – не вытер! Я так шейку бедра сломать мог! Этот кастрат нас всех поубивает! Мы к нему – со всей душой, рога оленя в подарок привезли, а он блюет, где попало! Сейчас же уезжаем, пока всех не ухай-дакал, как президента Кеннеди! Верка, где наши чемоданы?

Григорий Францевич понял, что они хотят зайти к дочери. Но и Швабра догадалась, а потому скомандовала:

– Прячься под кровать, живо!

Кафкин стремительно метнулся туда от двери, и вовремя! В открывшемся дверном проеме показалась тещина голова.

– Вера, твой-то где лазит? Товарищ Котенко пришел, просит книжку вернуть.

– От отца единородного досталась, – просунулся головой и Котенко. – Авторства Иосифа Виссарионовича.

– Не видела я ваших книжек! – зевнула Швабра. – И Григория не видела. Может, погулять вышел?

– Как же! – злобно каркнул тесть. – Весь коридор заблевал зеленью и удрал. Отец чуть инвалидом не стал! Спасибо, Верочка, за хлеб-соль!

– Он мне подарил «Советскую военную энциклопедию», – добавил ележным голосом Котенко. – Заберу вместо своей книжицы. Я знаю, где она стоит.

Верка вышла из спальни, и Кафкин остался один под кроватью. Там было темно, пыльно и – как ни странно – уютно. Как в коконе, подумал Григорий Францевич. Незаметен и защищен. Если все пойдет по плану, можно будет здесь укрываться. Пока на йога в суд подадим, пока то да се...

Остро захотелось есть. Эх, сейчас бы кочанчик навернуть! Или хотя бы квашеной капусты. Кадка с ней на кухне. Крышку сдвинуть и – вперед!

Он прислушался. Верка, похоже, увела всех. Наступил момент истины! Он вылез из-под кровати и двинулся к двери, отметив, что вполне освоился к новой манере передвижения. Лапки двигались синхронно и обладали отменной цепкостью. Кафкин ухватил ртом ручку и потянул дверь на себя. Она отворилась, и он осторожно высунул голову в коридор. Ни души! Ну и замечательно.

На кухне он ловко снял с кадки крышку, зацепившись за нее жесткими губами-челюстями, и с удовольствием погрузился головой в капустную массу. Великолепно! Какая же вкуснятина! Он жадно хватал широкогубым ртом солено-кислые листы и, не жуя, глотал их. Процесс совершенно захватил Кафкина, он забыл об осторожности, а – зря!

За спиной загремело. Он выдернул голову из кадки и оборотился. Мать. Обморок. Какие у всех слабые организмы, вздохнул сокрушенно Григорий Францевич. Подумаешь, гусеница ест капусту. Что в этом такого? Эх, в какое время живем, господи! До чего довел людей антинародный режим!

Он снова занырнул головой в кадку – надо было спешить. Крики Котенко, Верки и Крупских влетали в кухонную форточку из огорода. Ярко выделялся сварливый фальцет Котенко:

– Почему в чулане нет, в саду нет, нигде нет? Мне эту книгу еще родитель подарил, а вы говорите, что не тибрили! А кто? Эта книга одна стоит многих сотен других томов! Как «Дедушка и Смерть» буревестника революции Горького, понимаете ли! Энциклопедию он мне обещал! Пойдемте – покажу!

Кафкин понял, что пора покидать дом: если вернуться, могут обнаружить. Уж тогда по всей округе разразятся. Снова волновым аллюром промчался из кухни по коридору и забрался в чулан под полку с «Красной звездой». Сюда они уже заходили, следовательно, место надежное. За дверью снова слышались голоса.

– Мы решили, что он к вам водку пошел пить, – поясняла Надежда Иосифовна.

– Я раньше одиннадцати никогда не принимаю, – сварливо отвечал Котенко. – Мне работать надо, думать, мемуары писать! Столько еще всего предстоит отразить для потомков. На Ил-28 штурманом летал, корейян поддерживал, понимаете ли! А без этой книги никакая работа не идет!

– Найдем, не беспокойтесь! – увещевала Верка. – Кому нужна такая потрепанная?!

Они прошли мимо чулана. Теперь – валить вон! Кафкин бесшумно выбрался в коридор и заскользил к выходной уличной двери. Что теперь делать? Укрыться до темноты в погребе-полуподвале, вырытом возле огородного сарая. А ночью подобраться к окошку спальни и постучать. Тогда с Веркой и согласуют свои действия по суду над лысой тварью!

Глава 3

Измена Швабры

Погреб был темен, прохладен и сух. Он достался Кафкиным от прежних хозяев, но пока не использовался, а потому пришел в легкое запустение. Дверца полусгнила и не висела на петлях, а просто была прислонена к входу. Кафкин улегся на земляной прохладный пол и стал по доносящимся звукам угадывать события. Он понял, что полковник Котенко, не отыскав «Краткий курс ВКП(б)», прикарманил-таки «Советскую военную энциклопедию». Ворюга!

Еще было слышно прощание Крупских с дочерью. Снова отставного замполита обвиняли в алкоголизме, в том, что он – убийца, подлец, потомственный импотент и извращенец. Хамы, еще и «извращенца» приплели!

Затем приехало такси, и наступила тишина. Слава богу, теперь осталось лишь дожидаться темноты. Главное – чтоб соседи не пронюхали! Конспирацию следует соблюдать. «Расходиться по одному, товарищи!» – вспомнилась фраза из революционного фильма.

Июльская ночь наступала поздно, и Кафкин страшно изголодался, пока на землю не спустилась тьма. Было, пожалуй, около одиннадцати, когда он рискнул покинуть убежище. Сначала – утолить голод! Под луной аппетитно белели кочаны, и Григорий Францевич молниеносно расправился с одним из них.

Теперь – к Верке! Кафкин после кочана ощутил на душе какую-то лиричность и вспомнил любимый фильм «Семнадцать мгновений весны», сцену, в которой Штирлиц виделся в швейцарской пивной с любимой супругой. Напевая про себя «... а память укрыта такими большими снега-ами-и-и...», он пополз к окну семейной спальни.

Свет внутри горел, но штора была опущена. А вот форточка – открыта, значит, можно было пробраться внутрь, тем более что теперь туловище Кафкина диаметром было около сорока сантиметров. Он с неожиданным проворством вскарабкался по бревенчатой стене и расположился возле форточки. Из нее слышались два голоса. Один был Веркин, а вот другой...

Кто это там подхихикивает? Знакомый смех... Да ведь это – провокатор Дубов, который привел шпиона-кришнаита! И что он тут делает? Кафкин сунул голову в форточку и стал слушать.

– ... Напечатаем непременно, – говорил льстиво Дубов. – Ваши строки «Зря он добивался ее сердца, строил из себя пижона-молодца! Она, как неприступная скала, с мужчинами ни разу не спала!» – это просто новое слово в поэзии. Ахматова нервно курит в стороне! Или вот еще: «В ее он адрес сыпал комплименты, твердил: всегда готов на алименты!» Тут уже и Цветаевой делать нечего! Верочка, да мы под вас спецрубрику откроем. Что-нибудь типа «Крыло Пегаса». А?

– Да, да, – самый цимус, – томно отвечала Вера.

– А Григорий Францевич вам не будет препятствовать в творчестве? – продолжал Дубов. – Стихи требуют полной самоотдачи. Ведь придется ему меньше внимания дарить.

– Он новую жизнь начал, – хмыкнула жена. – Рассказать – не поверите. Так что я теперь свободная девушка!

У Кафкина внутри заныло, и он ощутил себя непотушенным окурком, выброшенным в очко вокзального сортира. Затем случилась в разговоре пауза, звякнуло стекло, и послышалось бульканье.

– Много не лейте, – кокетливо произнесла Вера, – а то я быстро пьянею. Как выпью, начинаю шалить, хи-хи!

– Так мы и вчера, Верок, слегка, хе-хе, дали жару, – поддержал гнусным смешком Дубов. – Пока ваш супруг, хе-хе, боролись с земным тяготением!

– Хи-хи-хи! Боролся и напоролся, Игорек!

Изменщица, понял Кафкин! С аферистом журналюгой снюхалась! Ах, подонки! Доложить, доложить куда следует! Но сначала использовать жену, чтобы содрать с оранжевого доллары.

За шторой послышался страстный шепот Верки:

– Не спеши, Игореша...

– А вчера-то...

Больше Григорий Францевич сдерживаться не мог. Он торопливо полез в форточку; через пару секунд наполовину проник в комнату и там замотался, раздумывая, на что опереться лапками? Его голова, упершаяся в штору, сообщила той колебательные движения, что, в свою очередь, вызвало у Дубова недоумение:

– Что там такое, Веруня?

– Что, где?

– Штора шевелится.

Тут Кафкин лишился равновесия и вывалился из форточки внутрь спальни. Тотчас перевернулся и, опираясь на восемь нижних лапок, выгнулся коброй и зашипел, злобно глядя на развратников. Он заметил, что на тощем теле Швабры был полупрозрачный черный комбидресс, а шпион-журналюга пока еще в брюках, но рубаха его уже расстегнута. Дубовым овладел ужас. Он, как и утром жена, швырнул в Кафкина подушку и рванул с невероятной скоростью вон из спальни.

Оставшись в одиночестве, Швабра смущенно запыхтела и, надевая платье, обратилась к мужу:

– Я думала, ты уже помер. Весь день искала, все помойки обошла.

На журнальном столике расположились бутылка вина, два наполненных фужера, шоколадная плитка, тарелка с апельсиновыми ломтиками. Указав на все это богатство, жена всхлипнула и продолжила:

– Тебя вот ждала, Гриня. Хочешь кагорчика? Апельсинов? Проголодался, небось?

Постепенно она приходила в себя и голос ее креп.

– А вместо тебя пришел Игорь. Тебя искал. Хотел интервью записать. А тебя нет нигде! А жена тоскует, волнуется. Где был, отвечай!

Ну вот, вошла в обычный режим. Теперь только держись! Поскольку Кафкин не мог говорить, жена чуть сбавила тон:

– Твоя мать тебя, похоже, застукала. Сказала, что видела толстую зеленую змею, которая ела капусту из нашей кадки. Говорит, что конец света близок. У нее от стресса нога отнялась, между прочим. Сам импотент, и другим мешает... Чего молчишь?!

Кафкин в нынешнем состоянии не мог уговорить жену. Оставалось молча переждать вспышку ее гнева.

– Жрать хочешь?

Кафкин кивнул.

– Капусту принесу, – пробормотала Швабра и пошла на кухню.

Капуста, это, конечно, хорошо, подумал он, но и от апельсинов грех отказываться. Пока жена возилась на кухне, он лихо проглотил все апельсиновые ломтики. Да еще и кожуру от них со стола смел!

– Жри, глиста, – участливо подала Швабра ему кастрюлю с соленой капустой. – Только не подавись. Ну и запашище от тебя прет...

Он ел капусту, а жена монотонно излагала события дня:

– Мама с папашей уехали после обеда. Зря ты наблевал зеленью, Гриня. Отец на ней поскользнулся, чуть шейку бедра не сломал. Говорят, что ты алкаш и убийца, хочешь их, как Кеннеди, ухайдакать. Ну, что мне с тобой делать?

Григорий Францевич торопливо поглощал пищу, а она продолжала:

– Котенко этот всех замучил своей книжкой. Не нашли мы ее, поэтому он взял твою энциклопедию. Склочник! Ну, чего молчишь?

Григорий Францевич поднял голову от кастрюли и засопел.

– Я и забыла, что ты теперь, как немой Герасим, – ухмыльнулась Швабра. – И что с тобой делать? Утопить, как Муму?

Кафкин похолодел. А ведь она может! Запросто! Надо написать ей, что следует делом заниматься, а не трепом про Муму и Герасима! Отсуживать деньги, превращаться в человека, ехать в Прагу за наследством. Авторучка нужна и бумага. Как это объяснить?

Он подполз к двери, привстал, уперся головой в то место, где утром написал помадой текст, потыкался туда, развернулся и глянул на жену: что, поняла?

– Ясно, – ответила она. – Сейчас дам тетрадь и ручку.

Вынула их из тумбочки, положила на журнальный столик. Кафкин пододвинулся к нему, а жена задумчиво промолвила:

– Не зря я доверенность на получение пенсии оформила! Теперь надо будет и на «Жигули» как-то сделать...

Ах, хищница! При живом муже на машину лапу наложить решила! Боже мой, с кем жил столько лет! Ничего, потом со всеми вопросами разберемся. И развод оформим, дорогая! Пока же следовало усыплять бдительность. Кафкин с огромными усилиями смог изложить свои идеи о привлечении оранжевого к суду. Закончив писанину цифрой 2 миллиона долларов, он скромно устроился на полу в виде кольца и уставился искательно на жену.

– Решил судиться? – произнесла она, прочтя написанное. – Два миллиона срубить? Не выйдет. Он же предупреждал, что пить надо по глотку в неделю; я помню. А ты все сразу выхлебал! Да лысый сам нас засудит и по миру пустит без штанов! У нас сейчас весь доход – только твоя да материна пенсии. Я пока еще гонорары не получаю. А вот если...

Она посмотрела на мужа оценивающим взглядом.

– Если про тебя Игореk пропечатает? Дескать: чудо природы, разумная гусеница. По телевизору покажут, а? Вот так можно зарабатывать! А? Ведь таких насекомых, как ты, ни у кого нет! Можно за деньги тебя показывать, а? За границей гастролировать! За доллары! Тебе пока еще только сорок лет... Я тебя буду хорошо кормить и поить; мне для тебя ничего не жалко! Хочешь «Жигулевское» – пожалуйста. Хоть три литра в день! Приедем в Париж, выставим тебя в Лувре. Билет пусть стоит пять долларов. Теперь давай посчитаем: если в день придет тысяча человек, мы уже заработаем пять тысяч долларов. В день, милый!

Жена от таких перспектив совсем разошлась:

– Афиши напишем. «Ученая гусеница!», «Грамотное насекомое!», «Гусеница сочиняет стихи на русском языке!» А? И будешь мои поэмы ртом писать! Пять тысяч долларов в день умножим на триста шестьдесят пять... Это в год выйдет примерно два миллиона. В год! Если протянешь лет сорок, так мы восемьдесят миллионов зашибем!

Жена продолжала строить планы, а Григория Францевича охватил ужас. Да ведь она это – на полном серьезе. Если сейчас не удрать, она его потом просто не выпустит из дома. Посадит на цепь и начнет эксплуатировать! Вот беда! Бежать, немедленно бежать!

Но нужно это сделать конспиративненько, не вызывая подозрений! Он несколько раз ткнул головой в пустую кастрюлю: давай, жена, корми голодного мужа! Та намек поняла:

– Еще хочешь? Сейчас, Гриня, сейчас!

Она вышла с кастрюлей, а Григорий Францевич не стал терять драгоценных секунд: мгновенно взлетел по шторе к форточке, втиснулся в нее да и укрывшись в ночи. Прощай, непутевая Швабра, здравствуй свобода!

Глава 4

Совсем один

Бегство от Верки явилось для Григория Францевича таким Рубиконом, перейдя который он уже не мог вернуться в прошлую жизнь. Он понял, что пора избавиться от фантазий: оранжевый колдун не возвратит человеческое обличье. Жердь права: превращение в гусеницу – его собственная вина. Ведь кришнаит говорил, чтобы не хлебал больше глотка в неделю. А он засандалил сразу весь пузырь! Любой суд встанет на сторону лысого.

И что делать? Возможно, дьявольское снадобье будет действовать всю жизнь? А ведь если колдун прав, так жить-то придется вечно! В облике червяка, едрена мать! Или? Он ведь плел, что происходят превращения. Можно помереть, а потом стать священной короной или мартышкой. Если повезет – человеком. А не повезет? Эх, горе-то какое!

Кафкин попытался заплакать. Был бы человеком – напился б от тоски! А может, действительно клюкнуть? Дома-то запасов нет из-за Швабры. Но зато Котенко точно держит! У летчиков так положено, как он говорил: «Для смазки организма». Канистра спирта под кроватью. От сына старик прячет. Вот, значит, и еще один повод нанести визитец воруе. Главная причина, разумеется, – «Советская военная энциклопедия». Ее надо вернуть всенепременно! Конечно, возникает вопрос: возможно ли пробраться в его дом? Но сначала надо проститься с мамашей. Записку написать или просто глянуть на нее. Ты жива еще, моя старушка? Жив и я; привет тебе, привет!

Он умело пополз по стене к окну комнаты матери. Перемещаться на вертикальной поверхности было и легко, и приятно. Вот какие они – новые возможности: лучше, чем у цирковых акробатов! А что, если их использовать? Это ж какие горизонты открылись теперь? А?! Так лазить по стене ни один диверсант не может! Да ему отныне вообще цены нет! Взять да и предложить услуги министрам в плане проведения секретных операций? Можно залезть с атомной бомбой на Пентагон и сбросить ее посередине проклятого пятиугольника! Показать им кузькину мать! А?! За такое дело и Героя дадут, и в звании повысят – никак не меньше полковника. Какое там – полковника? Генерал-майора, иначе – не согласен!

«Впрочем, с атомной бомбой я погорячился, – одумался Кафкин, приближаясь к материнскому окну. – Слишком опасно. Эвакуироваться-то не успеть, вот в чем проблема. Ладно, есть и еще варианты... Пускай Генштаб думает!»

Свет в комнате матери не горел – видно, спать легла. И форточку закрыла. Жаль, не получится забраться в каморку. Бедная мамаша: сын стал гусеницей, да еще и напугал при встрече. Хоть не очоурилась от страха... Главное теперь – чтобы нога ее вылечилась. Здоровье-то у нее отменное – каждый день мочу по утрам пьет по методу Малахова.

Придет время, он сам ей откроется. А почему бы и нет? Указать в записке, что временно работаю на Министерство обороны. Абсолютно секретно. Вынужден маскироваться под гусеницу.

Кафкин в душе улыбнулся: все будет хорошо! Жить пока придется на чердаке. Там ни Жердь не найдет, ни Котенко, ни менты, если вдруг станут искать. Никто не сунется, а гусенице на чердак влезть раз плюнуть. Там и щели-зазоры есть между крышей и стенами. Для человека маловаты, а гусенице – вполне. Вернуть туда энциклопедию от Котенко, периодику из ленинской комнаты... И книжку подаренную, что родственник пражский написал. Да, и канистру со спиртом! И кочанов побольше поднатаскать, чтобы всегда был запас. Днем-то не вылезешь, а голод – не тетка!

Желудок при этих мыслях забурлил беспокойно-призывно, и Кафкин спустился в огород, где тут же умял огромный кочан. Да, запасы крайне необходимы, причем начинать их делать надо с соседских огородов.

Сказано – сделано! Он перевалился мягко через забор, отделявший его участок от оборвышевского. Их огород, как и говорила Елена, был плотно усажен подрастающей капустой. Кафкин съел на пробу небольшой кочанчик и направил извилистый волновой путь к дому Котенко. Надо было возвращать энциклопедию и, в наказание за ее кражу, забрать канистру спирта.

Было, вероятно, около полуночи. Воздух стал свежее, отчего Кафкин стал подрагивать. Мысленно восхищаясь своей ловкостью, одолел новый забор. Эх, какой кадр достанется в его лице обновленным вооруженным силам!

В палисаднике Григорий Францевич увидел вдохновляющее зрелище: на крыльце в проеме распахнутой входной двери ничком возлежал сын полковника, музыкант Матвей. Ноги его были на ступеньках, живот – на пороге, туловище с руками и всем остальным пребывало в сених. От неподвижного Матвея остро било в воздух перегаром и аммиачным запахом, а джинсы его были мокры. Бывает...

Кафкин ювелирно прополз мимо Матвея, едва сдерживая позывы к рвоте, и двинулся сначала в сени, а затем – по мрачному коридору полковничьего дома. Где располагается комната ворюги, он знал. Впрочем, став гусеницей, Григорий Францевич обрел способность значительно лучше видеть в темноте. Ко всему прочему, верным ориентиром служил еще и мощный храп спящего ветерана бомбардировочной авиации.

Он подобрался к нужной двери и аккуратно навалился на нее. Поддалась и бесшумно отворилась под его весом. Здесь старческий храп достигал максимальных децибелов, которые можно было – при соответствующем художественном воображении – сравнить с шумом запускаемых двигателей бомбардировщика Ту-95. Старец спал беспробудно, и можно было ничего не опасаться. На полу валялись в беспорядке листы бумаги – как чистые, так и исписанные. «Мемуары гонит, – усмехнулся Кафкин. – Эх, дедушка, дедушка, ну зачем тебе чужие книги?»

Полиэтиленовая пятилитровая канистра действительно находилась под кроватью. Чем она удобна? Тем, что имеет ручку сверху для переноски. Отставной замполит цепко ухватил ее могучими губами-челюстями и отправился назад.

Возвращаясь огородами, подумал: а ведь на армии свет клином не сошелся. Если для себя поработать, а? Например, ночью легко можно грабить магазины! Банки! А можно забраться в женскую баню!

По дороге тормознулся на оборвышевском огороде. Отдохнуть да и пожевать слегка... Потом перевалился через забор, подполз к родному дому, полез наверх... Исключительно напряженный день завершился. Кафкин забрался на чердак, страшно перепугав прежних жильцов-голубей, и улегся возле канистры. Ну, пора отдохнуть. А выпить и завтра успеем!

Утром желудок своими позывами заставил Григория Францевича досрочно прервать сон об инспекции женской бани. Сколько там было красоток, и все – без всего! Да, придется посетить. И магазины проинспектировать на содержание продуктов и денежных средств. Хотя, зачем ему деньги теперь? Вот капуста – дело другое. Надо решать Продовольственную Программу!

В щели проникал свет наступающего рабочего дня. Кафкин аккуратно выглянул с чердачного входа и посмотрел по сторонам. Рано еще, не больше пяти. Все спят, следовательно, есть смысл заглянуть в угодыя Оборвышевых и приступить к заготовкам. А как делать капустные запасы? По одной таскать не-це-ле-со-об-раз-но. Надо брать сразу несколько кочанов. Для этого следует использовать мешок. А где мешки у нас хранятся? В сарае.

Выбрав мешок подходящего размера, он забрался к соседям. Свои кочаны всегда взять можно, так что начнем с чужих. Осмотрелся.

Ах, как хорошо было здесь ранним утром! Капельки росы блестели под солнечными лучами, над капустными головами и помидорными кустами кружили крылатые насекомые,

издали резким криком возвещал о рассвете запоздавший петух, и от всего этого Кафкина так пробрало, что он едва не пустил умильную слезу. Какую красоту создал Бог, подумал он. Покой да благодать. Возможно, и в раю так было, пока Ева с Адамом не согрешили? Интересно, а капуста там была?

Впрочем, пора было заняться делом. И тут возникла проблема: как заготавливать кочаны без ножа? После мучительных раздумий нашел выход: надо оборачиваться туловищем вокруг ножки, а потом со всех сил дергать.

Работа оказалась трудоемкой, и, добыв пяток кочанов, утешившийся и запыхавшийся, Кафкин решил свалить. Хватит на первый раз. Да и времени уже немало, часов шесть, поди. А ну как застучают! С наполненным мешком ползти было сложнее: он мешал движению, да еще и под конец за забор зацепился. Кафкин принялся дергать его туда-сюда, но тот не поддавался.

– А-а-а! – заверещало сзади.

Соседка! Очухалась, стало быть, дрянь! Он запаниковал и, перебросившись через забор, бешено стал рвать проклятый мешок на себя. Пошел, родимый...

Тут по голове что-то больно ударило. Баба швырнула картофельный клубень! Сволочь! Он поспешил укрыться за сараем в густых лопухах, разросшихся в огороде.

Бабы вопли прекратились. Вероятно, теперь она изучала следы, оставшиеся от вырванной еды. А сколько шашлыка сожрала на юбилее? А? Будь ты проклята!

Выждав и передохнув, он поволок мешок к дому. Главное – конспирация; не оставлять борозд! Затаскивал мешок через чердачный вход, что располагался со стороны, противоположной оборвышевцам. Пришлось попытеть, но все обошлось. «Лиха беда начало, – довольно подумал Кафкин. – Мы еще развернемся!»

Теперь он мог и выпить. Коли имеется спиртик, что ж не воспользоваться? Для начала пропустить пару капель, чтоб не рисковать. Мало ли как алкоголь воздействует на гусениц. Открыл полиэтиленовую емкость тем же приемом, что и при добыче капусты: обвил туловищем канистру, а губами зажал крышку и стал поворачивать. Получилось! Наклонил канистру и вылил несколько капель на кусок рубероида. Закрыв канистру. Ну что – попробуем?

Шибануло так, что у Кафкина потемнело в глазах! «Боже, – думал он, катаясь и переворачиваясь от боли, – и как это можно употреблять? Никогда больше! Ни-ког-да! Если удастся выжить, трезвость – норма жизни! Но сначала – попробовать уснуть. Вспомнить недавний сон про баню!»

Поворочавшись еще некоторое время, он все же сумел успокоиться и впасть в забытье.

Капустные листья были гладкими, как лед, а потому двигаться по ним было непросто. Кафкин – агент КГБ и по совместительству – штандартенфюрер СС, полз, выпуская из заднего кармана галифе тонкий шелковый канат, который мгновенно приклеивался к кочану и помогал держать равновесие. А куда он ползет? На совещание к Шелленбергу. Вот и кабинет Шелленберга; сам начальник в виде огромного майского жука сидит за столом и слушает радио, по которому поет о мгновениях и пулях у виска Кобзон. «Так, товарищ Кафкин, как дела с Трианоном? Почему Мюллер вместе с вашей женой едят капусту, вместо того чтобы доставлять атомную бомбу на крышу Пентагона?»

Кафкин не знает. Жена ведь спуталась с журналюгой... А-а, вот оно что! Оказывается, журналист – это переодетый папаша Мюллер! Значит, и сюда уже проникло гестапо?! Что же делать? «Как что делать, – отвечает жук-Шелленберг. – Идите получите генерал-майорский мундир и распишитесь в ведомости за премию! Мы вас направляем в Швейцарию по партийной линии для выпуска газеты „Искра“. Но перед поездкой вам надо основательно помыться – уж слишком вы поизмарались в гусеничном теле».

«Есть», – отвечает Кафкин и отправляется на помывку. Куда? Ясное дело – в женскую баню! Но где же женщины? Нет их. Вместо женщин – голый пьяный музыкант Матвей с отцом-

ворюгой делят кафкинскую «Советскую военную энциклопедию»... И при этом еще жрут капусту!

Глава 5

Бороться и не сдаваться!

Григория Францевича разбудил яростный птичий гомон. Оказалось, что чердачное пространство обжито воробьями, которые, как сразу стало ясно, не просто беседуют, а обсуждают личность Кафкина-гусеницы. Наглецы сновали под крышей, садились на стропила, косили глаза на отставного замполита и болтали, болтали, болтали.

Это было совсем некстати, поскольку треп мог привлечь внимание Швабры. Дура-то дура, а вдруг да сообразит? Нужно шугануть тварей!

Кафкин приподнялся на брюшных нижних лапках и издал в птиц шипение, сходное со змеиным. Затея удалась: изумленно-напуганные, они рванули во все щели, и наступила тишина.

А что творится снаружи? Какова обстановка? Ищут ли его? Он умело пролез в щель и по шиферным листам пробрался на конек.

Любимых наручных часов не было, но Кафкин сообразил по положению Солнца, что полдень уже наступил. Стояла жарница, и это было очень даже кстати, так как никого из людей не было видно; впрочем, нет! Елена и Харитон Оборвышевы были чем-то заняты на своей капустной плантации.

«Чем? Ах, скоты, капканы устанавливают! И что ж это за люди такие? Жрать юбилейный шашлык – всегда готовы, только позови; а как кочанчик-другой для соседа, так – накось выкуси! Прав был Ильич: не удалось еще вытравить в крестьянстве мелкособственнические инстинкты. Живет в них эта кулацкая жилка – вот поэтому и случилась реставрация капитализма. Похерили, сволочи, светлые социалистические идеалы! Ну, погодите у меня: никакие капканы вам не помогут! Не сегодня, так через пару ночей я приду, – ожесточенно думал Кафкин. – Я вам покажу роль середняка в становлении деревни! Мироеды! Истреблю кулачество, как класс!»

От огорчения взыграло в желудке. Пришлось утешиться кочаном. Капустная масса вернула самообладание и обратила Кафкина к будущему. Что дальше?

В первую голову, очевидно, нужно определить стратегическую линию в отношении людей. Еще Ильич учил, что невозможно быть от них свободным, проживая в обществе. Во-первых, нужно подготовиться к общению с людьми. А свобода, как ни крути, – это осознанная необходимость. В его положении она совершенно невозможна без средств общения – бумажных листов и авторучки. А как еще прикажете общаться с массами? Вождь, как известно, в жутких условиях швейцарского подполья писал письма в «Правду». Или – в «Искру»? Не важно, мы тоже пойдем своим путем, и из нашей искры возгорится пламя! Он в Разливе в шалаше жил, картошку пек с Зиновьевым на костре, а нам приходится уже и чердаки осваивать, и одной капустой питаться...

«За идею страдаем, – самоотверженно думал Григорий Францевич. – Появится бумага с авторучкой, сделаю записи на все случаи жизни. Главное – подготовить докладную в военкомат. Изложить ситуацию с провокационным обращением наймитами мирового капитала в насекомое; подчеркнуть, что и в новом обличье готов служить Отчизне – и как простой замполит, и как диверсант-спецназовец. Типа боевого дельфина, только – с расширенными возможностями!»

«А может, лучше и не к военкоматовским обратиться, – осенило вдруг Кафкина. – А прямо к кагэбэшникам? Как их нынче называют? Служба внешней разведки? Заодно им и церзушника-кришнаита с предателем журналюгой можно будет подбросить! Вот это – самое правильное! У них и оклады, вероятно, побольше? Загранкомандировки, премии... Кришна поможет, и отправят подпольщиком в Швейцарию. Говорят, там сыр – настоящий! Что ж, будем

писать заявление комитетчикам. А „Красной звезде“ – статью о происках классового врага. „Кто такие «друзья России», и как с ними бороться? “ Авторучками надо запастись как следует. Откуда набрать? А из магазина канцтоваров, что на проспекте Якова Свердлова. Называется красиво, по-иностранному – Anus...»

Григорий Францевич живо представил одноэтажное скособоченное строение, втиснутое между двухэтажных барakov. Да-а... Попробуй в него влезть. Гладко было на бумаге. Там же полно общаг! Теперь, в июле, ночи короткие, а погода располагает к праздничатанию молодняка и разгулу. Всякая шантрапа до утра шляется, песни горланит. Отправится на дело и попадется, чего доброго! А там и растерзать могут...

Что делать? Как бы поступил демократ Чернышевский? А вот как: придется снова посетить друга-летчика Котенко. Этот мемуарист имеет огромные запасы писчих листов. На полу даже разбросаны. Ручек у него – с избытком. Кстати, изъятие вполне можно считать справедливым: за захваченные без спросу тома «Советской военной энциклопедии». Старик дрыхнет – хоть из пушки пали! Собрать бумагу в мешок, и, как говорится, – не жалею, не зову, не плачу!

Замечательно. Вот и конкретная программа действий.

А что с визитом в женскую баню? Возможно, стоит сперва туда заглянуть? М-да... Вопрос лишь в том, по какому адресу она расположена? Вот ведь беда: сколько времени здесь живет, а такой пустяк не разузнал! Эх, как все нелепо в жизни устроено!

«Ладно, всему свое время, – решил Кафкин. – Как со службой все утрясется, так и решим вопрос. Все еще только начинается! Главное сейчас – бумага и авторучки!»

Наметив план действий, он пришел в хорошее расположение духа и ощутил сонливость. Надо набираться сил перед ночной экспедицией!

С наступлением тьмы он крепко зажал губами сложенный мешок и двинулся в путь. Чтобы не рисковать, плантацию Оборвышевых предпочел миновать, держась прямо под окнами их дома. Уж там-то капканов, идиоты, не поставили, надо полагать?

Вынужденно прослушав перебранку супругов и затем перебравшись через забор, Кафкин очутился на огороде Котенко, где на некоторое время замер и прислушался. Тишина. В окне музыкального отпрыска еще горел свет. «Что это Матвею не спится, – недовольно подумал Григорий Францевич. – Неужто трезвый? Если так, то придется выждать, пока не уgomонится. Беда с ним: ночь-то июльская коротка!»

Нет, ждaть тоже не резон. Надо разведать обстановку, тем паче, что в будущем предстояли гораздо более сложные операции. Он продрался с мешком сквозь помидорные заросли, а потом – временно оставив его под окном – ловко вскарабкался по стене и глянул в распахнутую форточку.

Ну и зрелище! На животе и абсолютно голый лежал недвижимый Матвей с паяльником в вывернутой нелепо руке, а в полуметре от него валялся опрокинутый телевизор «Горизонт». Судя по снятой задней крышке и торчащим внутренностям, Матвей чинил этот источник разума, но что-то пошло не так... Может быть, ударило током? Не исключено, подумал Кафкин, озирая пейзаж, обильно сдобренный разбросанными беспорядочно проводами, осколками кинескопа, радиодеталями, корками хлеба, давленными огрызками яблок и помидора, полуоткрытыми килечными банками, стаканами, рыбьими скелетиками, блестящими чешуйками... А еще отчего-то бросились в глаза отставному майору лежащие на столе полосатые носки музыканта и коричневые трикотажные штаны, запутавшиеся в районе его щиколоток.

Жив? Если убило, то дело – дрянь: влезешь, а завтра милиция заявится и начнет расследование. Могут и собаку притащить, а эта тварь, не дай бог, след Кафкина учует! Найдут, привлекут, и пойдет писать губерния. А потом, глядишь, и мокруху пришьют! Времена-то нынче какие, а? Будто в ответ на мысли Кафкина лежащий дернулся, оторвал лицо от паласа и выкрикнул:

– Факен! Папаня, водки!!!

И вновь уткнул горбатый нос в палас.

«Живой, – облегченно произнес про себя Григорий Францевич. – Музыканты, они, вообще говоря, живучие, как тараканы! А как дела у отца?»

Он переместился к окошку Спиридона Гавриловича: оно тоже светилось, но форточку имело закрытую. Сквозь незашторенное стекло было видно, как бывший штурман дальней авиации лихорадочно гонит строки.

Лев Толстой. Достоевский. Кафка! Не иначе, в классики выбьешься, да Нобелевскую премию ухватишь! Ну-ну, лепи горбатого, писатель, а мы – потерпим.

Ждать пришлось недолго. Маразматик быстро устал, выключил настольную лампу и, не раздеваясь, завалился на кровать. Поскольку его форточка была закрыта, к цели оставался единственный путь – через комнату сына Матвея. «Что ж, будем тренироваться в роли спецгента, все равно это потом пригодится. Хоть в Цюрихе, хоть в женской бане, хе-хе!»

Вчерашний опыт лазания в форточку не прошел зря: даже с мешком в губах Кафкин легко проник в комнату Матвея. «Лихо я все проворачиваю, – похвалил он себя. – Мог бы стать королем домушников. Работаем без шума и пыли, отпечатки пальцев не оставляем. Какие деньжищи можно огребать, однако!»

В целях шлифовки открывшихся способностей решил миновать комнату по потолку. Никаких проблем: цепкость просто феноменальная! По дверному косяку спустился на пол и через открытый дверной проем проник в коридор.

Вчера ночью в это время старый приятель уже дрях. Что теперь? Кафкин прислушался. Котенко храпел, но слабее, чем в прошлый раз. Похоже, еще не разоспался. Это не беда. Пока что следует обеспечить пути отхода. Главная заповедь разведчика-диверсанта: вовремя исчезнуть с явочной квартиры. Как Штирлиц!

Каков будет наш план? Отворить наружную дверь, ведущую из сеней на улицу. Это важно, поскольку назад через форточку с мешком, заполненным листьями, не пролезешь. Главное – основательность в проведении операции. Не торопиться, не мельтешить, подобно профессору Плейшнеру! У каждого мгновенья – свой резон!

Через час наружная дверь, закрытая на засов, поддавалась усилиям новоявленного разведчика и бесшумно распахнулась в ночь. Кафкин начал самую ответственную часть операции. Вновь подполз к полковничьей комнате, намереваясь открыть дверь. За ней раздавался обнадеживающе могучий храп. Кафкин аккуратно надавил всем своим гусеничным телом на дверь и помаленьку стал ее приоткрывать. Только бы не скрипела! Дверь, поддаваясь отставному замполиту, медленно и бесшумно раскрылась.

Все шло как по маслу. Кафкин проник внутрь помещеньца и принялся заталкивать в мешок бумажные пачки. На столе обнаружили и пять разноцветных авторучек. «Наверное, Гаврилыч здорово удивится, – думал Кафкин, наполняя мешок. – Решит, что Матвей спер... А вот не надо чужие энциклопедии брать без спросу! Любопытно, с канистрой они уже разобрались или еще не обнаружили пропажу? Хе-хе, вот так сюрприз: и канистра, и бумага с авторучками – тю-тю!»

Пора было уходить. Кафкин зажал мешок губами и выполз в коридор. Мешок волочился сбоку, и вместе они сверху выглядели двумя экзотическими влюбленными змеями, ползущими к своему тихому семейному счастью. Григорий Францевич уже мыслями перенесся на улицу, продумывая детали маршрута через огород Оборвышевых, как внезапно что-то тяжело наступило ему на спину.

Сразу же затем ударил свет коридорной лампочки, послышался панический вопль, и на пол рухнул полковничий сын Матвей. Похоже, негодяй и сам не ожидал такого поворота событий. Начатый еще в падении его нечленораздельный вопль завершился совершенной истерикой.

– Папаня, анаконды!

Кафкин успел разглядеть рядом с собой искаженное ужасом лицо музыканта, а затем рванул, что было сил, в сени, сокращаясь в бешеном ритме. Спина страшно болела – похоже было, что пьяница продавил ее до кишок! Сзади раздавались новые причитания:

– В туалет уже нельзя ходить! Анаконды! Папаня, тебя не съели?

Впрочем, Кафкин уже мчался огородами, забыв про оборвышевские капканы. Его гусеничное сердце отбивало дикий ритм, который улавливали все шестнадцать лапок, и они стремительно уносили зеленое пораненное тело к спасительному чердаку. Вот тебе и мгновения, вот тебе и резон!

Глава 6

В узилище

Ему понадобились титанические усилия для того, чтобы миновать огороды и забраться на чердак. Мешок с бумажными пачками и авторучками поднять уже не было мочи, потому пришлось оставить его в погребке.

Увечье, полученное от злополучного Матвея, было не только болезненным. Оно также сделало Григория Францевича практически беспомощным. Благодаренье богу, что хоть кишечник не остался на полу! Пока и думать нечего было о работе в разведке, о записках-донесениях, о банях... Нет, пока что нужно было восстановиться. Покой и здоровый сон – вот лучшее лекарство для гусеницы. Ослабевший донельзя, Кафкин впал в полубредовое состояние, которое прерывал только голод, понуждавший потреблять живительные капустные листья заготовленных заблаговременно кочанов. Затем вновь наступала дремотная расслабленность, сопровождаемая диковинными видениями.

И какая только ахиня не лезла в голову Кафкину! Вроде лежит он на чердаке, а вроде и сверху себя видит в образе закостеневшей куколки. Лежит себе куколка, подремывает, а потом – раз! и превращается в агента специального назначения, который выслеживает за границей русского миллиардера... Дела-а... А то – ощущает себя Кафкин незримым духом, что командует живыми роботами-механизмами, которые крушат продовольственный магазин. Или же – сидит он на каком-то научном симпозиуме с белобрысой американской девицей по имени Синтия и пьет ликер... А то – бестелесно летит сквозь неведомый туннель, по стенкам которого звезды проносятся стремительными огоньками... Очень необычные были видения у Кафкина во время болезни!

А потом наступило исцеление! Да такое, что стал он себя чувствовать даже лучше, чем до происшествия в котенковской избе. Возникло у Григория ощущение, что он вроде как бы – моложе стал! Снова юношеская энергия появилась, тяга к движению и ползанию интенсивному возникла... Мешала новым позывам лишь огрубевшая кожа, от которой следовало избавиться. А как избавиться можно? Сокращениями энергичными, вот как! От сокращений она, родимая, треснет, никуда не денется!

Вот и принялся Григорий Францевич деятельно сокращаться. Раз-два-три, раз-два-три... Опаньки! Появились на коже трещины, стали они шириться, а потом и лоскутами стала кожа отпадать. А под ней-то, батушки, красота какая! Новая кожа, да не в пример старой, гораздо красивее!

Вот и полинять пришлось. Чего только в жизни не бывает. Да не только полинял, а еще и лишился куска прежнего тела; отпали с остатками старой кожи и какие-то ороговелости, которые создались на конце туловища. Кстати, обнаружился в них и злосчастный тюбик помады Швабры.

«Вот почему я по нужде давно не ходил, – догадался Кафкин. Это все накапливалось для сохранения энергии да преобразований кожи. А нынче пришло время омолаживания, стало быть. Умно, ничего не скажешь, умно поступает природа!»

Новое тело добавило здоровья, но стало легче и меньше. Стал он, пожалуй, теперь в длину не больше метра. Это слегка насторожило Григория Францевича. Конечно, стал моложе, но ведь сил при этом убавилось! Сколько теперь можно в мешке поднять капустных голов на чердак? Штуки четыре среднего размера... Конечно, с уменьшением размеров их потреблять можно будет в меньшем количестве. Ладно, вздохнул Кафкин, что ни делается – все к лучшему!

Изучая свой новый организм, открыл он, что отныне у него при движении вперед выдавливается сама собой из дыры в нижней губе слюна, которая тотчас же становится крепкой нитью-следом. Такой крепкой, что позволяет при необходимости цепляться за нее при спуске.

Что-то вылезало типа веревки скалолаза. Да это будет покруче любого спецназа! Это ж можно с любой отвесной скалы спуститься в логово врага. Теперь уж точно примут в агенты. Но, имея такой козырь на руках, то есть лапках, можно уже и самому выбирать, где нести нелегкую вахту. Швейцария, конечно, подойдет. Франция, Италия... А вот в Германию – увольте! Попадешься там какому-нибудь Мюллеру, так до смерти запытают! Однако служба службой, а о запасах не следует забывать. Мало ли что!

С наступлением темноты он спустился по слюнонити с чердака и легким аллюром двинулся к своим капустным грядкам. Оборвышевские кочаны, находившиеся под капканной защитой, внушали страх. Рано еще идти туда в гости. Пусть расслабятся, ослабят бдительность. А уж через несколько дней можно будет и наведаться к подкулачникам!

Приступив к трапезе, он обнаружил, что пищевые потребности значительно уменьшились: для насыщения хватило одного небольшого кочана. Это означало, что размер стратегического запаса на чердаке можно уменьшить; главное же – урожай с его огорода, а также соседских, вполне обеспечит безбедный осенне-зимне-весенний сезон.

Конечно, размышления на подобную тему излишни, так как уже завтра будут написаны рапорты и доставлены комитетчикам! Осталось только забрать бумагу с авторучками да приступить к эпистолярщине!

Сытый Кафкин пополз к погребу, попутно заметив, что перемещаться по сырой земле стало ему некомфортно. Кроме того, он стал значительно сильнее ощущать запахи.

А уж капустный он выделял совершенно отчетливо даже издали.

Вот и погреб. Подползая ближе, Кафкин стал ощущать какое-то тревожное чувство. Как Штирлиц. Что-то здесь не так, думал он. Запах подозрительный, что ли? Не помадой ли Швабры несет из погреба вместе с холодом и затхлостью? Ищейки Мюллера не дремлют, Кальтенбруннер вышел на охоту! Удесятерить бдительность! Не время расслабляться, товарищи!

Кафкин с напряженным вниманием подполз к погребу, прислушиваясь и стараясь угадать, что ждет его в нем? Засада? Швабра с сетью караулит у входа? Да вроде бы не слышать ничего... Похоже, конспиративная явка еще не провалена. Рискнуть?

Он полез в погреб по потолку – так можно было избежать капкана или петли. Жена способна была на любую пакость ради миллионов долларов за показ мужа в образе гусеницы. Проклятая Жердь! Это ж надо такое придумать: пасти мужа на траве и кормить морской капустой! И это – после стольких лет супружеской жизни!

Он забрался внутрь и осмотрелся. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Нет мешка. Значит, обнаружила, паскуда, и уперла! Настоящая гестаповка ведет охоту. Обложила, как радистку Кэт! Ищет. Хорошо хоть, на чердак не додумалась залезть, пока он пребывал в беспамятстве. А если бы застукала? Да страшно подумать: уже бы возили в клетке!

Ну, мы еще поборемся, дорогая! Мы еще раздобудем и бумагу, и ручки. Где? Это – проблема, конечно. К Котенко вновь лезть рискованно. У Оборвышевых – капканы. Дома Верка поджидает. Anus не подходит из-за общаг. Значит, придется забраться к соседям, живущим с левой стороны.

Что это за люди, Григорию Францевичу было неизвестно. Очень уж они жили уединенно. То ли цыгане, то ли уголовники какие?... Иногда возле ихней калитки появлялся мрачный здоровяк, иногда – бабешка неопределенного возраста. Иногда ночью подъезжали иномарки, но больше ничего не говорило о жизни соседей, которых от любопытных глаз скрывал надежный забор.

Но ведь бумага и ручки нужны! Придется лезть к соседям, решил Григорий Францевич, и направился было к выходу из погреба... Но неожиданно появился там пропавший мешок, который держали руки негодяя Дубова, и в следующий миг Кафкин оказался в нем! Свершилось! Нюх не подвел Кафкина, но лучше бы было – наоборот!

Спелись, вороны проклятые, уяснил горькую истину Кафкин. На почве корысти обложили со всех сторон и схему поимки продумали!

Они заточили его в любимый чулан – «ленинскую комнату», и заперли. Так началась жизнь в узилище; жизнь, которая ярко напомнила Григорию Францевичу подвижничество профессиональных революционеров и разведчиков. Ильич в Шушенском томился, Лазо в топку паровозную бросили, Абеля церэушники пытками изводили...

Поступки и речи авантюристов свидетельствовали, что окончательного плана по эксплуатации приобретенных талантов Кафкина они еще не выработали. Швабра мечтала совмещать его пенсию с долларовыми забугорными гастролями. А продавшийся журналюга-шпион принялся за огромное научно-исследовательское эссе о гусенице-мыслителе и грезил о лаврах нобелевского лауреата одновременно по литературе и биологии.

Также в разговорах присутствовала их грядущая свадьба на Лазурном берегу в период проведения следующего Каннского кинофестиваля. Наглецов абсолютно не стесняло при этом наличие живого супруга. Споры шли лишь о том, как успешнее провернуть все эти бредовые идеи-мечты.

Несчастливая мать Клавдия Васильевна понятия не имела о горемычной доле сына-насекомого, о том, что родная кровиночка находится совсем рядом. Григорий Францевич слышал иногда, как ковыляет она тяжелой поступью мимо чулана, как спрашивает подлюю Жердину-Швабру о нем... А та с невероятной умелостью врала, что отправился он в неизвестном направлении к любовнице и даже вещи не прихватил. Такого вот сыночка-импотента, маманя, уродили!

Ясна стала окончательно Кафкину сущность его супруги, а также уяснил он и то, чем она взяла двурушника Дубова. Естественно, не лошадиная красота и графоманские стихи привлекли его внимание! А вот трехкомнатная добротная изба, сад с огородом и машина – вот на что намылился подонок! Проживал-то он на съемной жилплощади и был, между прочим, на десять лет младше своей «Джульетты».

Да уж! Жизнь прожить не огород переползти! Она жестока и груба. Всеми движет корысть, а вот о душе, о высоких мотивах уже никто и не вспоминает! Эх, суета сует все, сплошная суета!

Мучители приходили к нему каждый день. Дубов фотографировал Кафкина на поляроид и снимал на видеокамеру, а Жердина совала ему в рот авторучку, подкладывала чистый бумажный лист и требовала:

– Пиши стихи, глиста!

Вначале он держался стойко: на сотрудничество с предателями не шел, ручку выплевывал, стихи отвергал. Написал только требование к похитителям: покаяться, сдать властям, связаться с внешней разведкой. В случае сотрудничества пообещал не судиться с ними, а принять на службу помощниками-секретарями с выплатой денежного довольствия в размере лейтенантского оклада. Аферисты, прочтя его требования, пришли в ярость, и даже несколько раз хлопнули грязной половой тряпкой по спине. В ответ он принял решение объявить голодовку и почти полдня не притрагивался к капустным листьям.

Эх, был бы человеком, выдержал бы принцип до конца! А так, проклятое гусеничное естество не выдержало голодных мук: сдался Кафкин, стал питаться. Слаб дух в гусеницах, и сила воли у них – далеко не корчагинская!

Тюремщикам стала понятна ахиллесова пята Кафкина – пища, и они переменили тактику: стали использовать кочаны стимулом для творчества. Не будешь писать стихи – не дадим еду! И ведь правы оказались, садисты! Пошел на сотрудничество несчастный майор-гусеница, занялся стихоплетством. Писать буквы было крайне сложно, так как нынешний размер придавал челюстям меньшую захватную силу. Кафкин расходовал минуту за минутой для начер-

тания одного только слова, однако и это приводило проходимцев в невероятный восторг. Было сделано несколько многочасовых съемочных дублей, за время которых проявилась серия похабных частушек, отложившихся в кафкинской голове еще с молодости. Сомнительные в идеологическом плане, они привели жену со шпионом в экстазный восторг.

– Феноменально! – восторженно булькал журналиста. – Клиент не только клепает вирши, но еще и добавляет туда гусенично-деревенскую сатиру! Обрати внимание, Верунчик, как мудро он поднимает тему нелегкой женской доли: «Я бывало, всем давала по четыре раза в день, а теперь моя давала получила бюллетень!» А? Да куда там всем этим юмористам с их дубовым юмором! Еще несколько сеансов – и выйдем на всероссийский уровень.

– Он у меня всегда шутником был, – поддерживала Жердь. – Иной раз как шутканет, так все падают...

– У нас аудитория будет интеллигентная: профессора, академики, мэры, депутаты. Я предлагаю сделать еженедельную телевизионную программу «Здравствуй, Гусеница!». А по еще одному каналу – «Червяк прорицает». Будем его четверостишия истолковывать, как строчки Нострадамуса. Эх, вот деньга поперет, никаким полям чудес не приснится! А потом и на западные телеканалы выйдем с сериалами. Я и название уже придумал. «Гусеница: день за днем».

– А как же гастроли? За доллары?

– Обязательно! Сначала раскрутимся здесь, а потом рванем чесать Запад. Деньгу сшибем побольше, чем Мадонна и Майкл Джексон, вместе взятые! В Нью-Йорке да Лас-Вегасе знаешь, сколько тузов денежных? Миллиардеры валом повалят! А можно еще и размножить клиента. Выведем новую разумную породу – вот нам и премия Нобелевская по биологии. В науке засветимся, Верунчик!

Подлецы уже видели себя владельцами замков и дворцов, обладателями гигантского состояния и героями всех мировых средств массовой информации. Они называли Григория Францевича клиентом и искали самый хороший вариант его использования...

А тот не сдавался. Добросовестно поедая капусту, он выжидал момент. Детские воспоминания о героическом графе Монте-Кристо давали надежду, что и ему удастся вырваться на волю. Разве сдался бы похитителям Эдмон Дантес? А Штирлиц? Конечно же – нет! Питаться, набираться сил, усыплять врагов и готовить побег. А потом – отомстить за все!

В свободное время прорабатывал оставшуюся в чулане книгу однофамильца, с трудом переворачивая страницы. Остро ощущалась злободневность написанного. Какой все же талант был, восхищался Григорий Францевич, читая о мытарствах Грегора Замзы. Ведь как бывает порой: уснул человеком, а проснулся уже насекомым. И ни одна тварь не помогает, все норвят или продавить ногой, или же отдрессировать для долларов. Тесть же с тещей еще и разврат приплетают! Ну, ничего, хорошо смеется тот, кто все испытания выдержит!

Глава 7

Побег

И великий день настал! Точнее, это была глубокая ночь, в которую пробудился Кафкин спустя несколько суток после случившегося нового бреда-сонливости. Повторился прошлый чердачный случай с нелепыми видениями с несчастными краткими пробуждениями на прием пищи. Проходимцы не тревожили Кафкина; возможно, они боялись его потерять.

Очнувшись, он понял, что вновь случилась линька, а с ней пришел и новый, еще меньший размер. Стал он теперь в длину не больше полуметра, а толщиной – только около восьми сантиметров. Кафкин откинул старую органику и с интересом стал знакомиться со свежим обличьем. На теле добавились еще черные пятнышки, а зелено-желтые оттенки перемешались с темно-синими. Красавец!

Было тихо. Надзиратели дрыхли, а пленник их, избавившийся от ороговевших тяжелых излишков, подползал уже к зазору, который оставался между полом и дверью.

Душегубы зазор во внимание не брали, и – вот вам за это! Чужал, чужал, что придет час свободы! «Пропадите вы пропадом со всеми вашими кавээнками», – думал Кафкин, покидая чулан. Он быстро вскарабкался на потолок и направился к комнате матери. Надо написать старушке, что ситуация – под контролем, что в настоящий момент он находится на ответственном государственном задании. Каком? Секрет! Военная тайна! Придет время, и он вернется с генеральскими погонами и автомобилем «мерседес», надо лишь подождать немного.

Кафкин засучил лапками в направлении материнской комнаты, но – вот беда: дверь ее оказалась запертой. Отворить ее с нынешними кафкинскими размерами было уже невозможно. Следовательно, решил Григорий Францевич, пришла пора покинуть дом. Только подкрепиться капустой из кадки на кухне.

Кухня двери не имела, так что он без проблем в нее пробрался. Вот и кадка. Он попытался сдвинуть крышку в сторону и... Осечка! Нынешняя физическая форма уже не позволяла совершать подобные усилия.

Желудок заурчал, пробудив легкую панику. Как быть? Мать недоступна. Кадка – тоже. А кишки уже требуют. «Голод пробуждается, – тревожно подумал он. – И что теперь делать? К матери не обратиться, да и находиться здесь опасно: душегубы могут хватиться беглеца! Валить надо отсюда, пока не поздно, – на волю, на чердак или огород. Еды там хватает, а при малости роста эти уж точно его не съедут. Как выбираться? Элементарно, Ватсон, – на крышу через печную трубу!»

Августовская ночь была холодна. Зябко ежась, он смотрел с крыши на огород и размышлял об обретенной свободе. Казалось бы, там, в чулане, имел он гарантированное тепло и еду, спокойную беспроблемную старость, а вот поди ж ты – предпочел мерзнуть на крыше ради воли. И вместо писания матерных стишков получил неизвестность. Ситуация-то, если говорить откровенно и честно, прегнуснейшая! Коли не выйдет связаться с органами, придется остаться в червяках. Или? Гусеницы же куколками становятся, вспомнил он. А потом – бабочками. Интересный поворот сюжета. Если стать бабочкой, можно просто прилететь к кагэбэшникам и... А дальше что? Как общаться? Даже авторучку ухватить не удастся...

Мысли эти ужасно расстроили Кафкина. С матерью не пообщался, карьера разведчика накрывается, да еще и проклятая холодрыга! Как там пел Кобзон: «Я прошу, хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня...»

Опять требовательно занял кишечник. «Ну, утро вечера мудренее, – решил Кафкин. – Попитаюсь, а там видно будет». По слюнонити спустился вниз и отправился к ближайшему кочану.

Новая линька и побег из узилища привнесли в Кафкина неясные пока внутренне-духовные сдвиги. Стало у него эволюционировать отношение к окружающему миру. Первоначально еще, впрочем, раздумывал о том, где достать бумагу и авторучку, как выйти на ответственных государственных людей. По инерции даже решил навестить загадочных соседей, обитающих за высочайшим забором. Но стало ему ясно все, лишь как только вскарабкался на дерево, пустившее ветви свои с соседской территории на его огород. Увидел Кафкин, какой народец с ним соседствует, какие псины шастают молчаливо по закрытой территории, и понял: нет, не стоит рисковать.

Наличествовали там в огромном числе жуткие существа с гигантскими челюстями – то ли питбули, то ли Стаффорды. В породах Кафкин был не силен, однако осознал моментально, что лучше не рисковать!

Что оставалось делать? Думать о будущем и питаться. Кафкин спустился с забора и продолжил заниматься основным гусеничным делом – поеданием капусты. Пищу, в силу своего измельчания, стал употреблять в совсем уж незначительных объемах, и оттого больше времени появилось для сна...

Жизнь, в сущности, была беззаботной и оттого все больше начинала ему нравиться. Озирая с помидорных кустов бело-зеленые лысые головы, он с каждым днем все меньше внимания отдавал будущей нелегальной работе в Цюрихе. Уходили на второй план мечты о «кадиллаке», забывались магазины и женские бани, и даже мать-старушка вспоминалась все реже и реже. Да, конечно, он еще интересовался людской жизнью и даже предпринял пару вылазок к знакомым. Первоначально захотелось узнать, как себя чувствует былой приятель Спиридон Котенко. Малая длина и конспиративный окрас давали возможность с легкостью проводить любые диверсионные операции, поэтому он отправился на дело днем.

Миновав оборвышевские насаждения с капканами, он пробрался меж заборных досок на полковничий огород, а оттуда уже продефилировал на двор перед крыльцом. Там росло несколько груш, и Кафкин вскарабкался на самую густую, соседствовавшую со скамейкой и столом. Он расположился на небольшом сучке, с которого открывался прекрасный обзор двора. Было чрезвычайно приятно лежать, вдыхать аромат созревающих груш и чувствовать, как нежный ветерок ласкает ворсинки на теле.

Ближе к вечеру жара спала, и на крыльчке возник из избы младший Котенко – трезвый и слабый. Небритое лицо музыкального гения воплощало одновременно элегическую грусть, скорбь и вдохновение.

Матвей возлег на скамью и с тяжелым вздохом закрыл очи. Кафкин понимал его: непросто быть человеком в наш век! Дела, заботы... Вспомнилось недавнее: ежедневно надо умываться, бриться, одеваться, с кем-то говорить, куда-то идти, смотреть телевизор, слушать последние известия, ругаться с женой, таскаться в магазин за мясом, посещать туалет... То ли дело теперь! Никакого бритья, никаких магазинов! Всех забот – покушать да отдохнуть. Еды – навалом, и вся – под боком, как и туалет. Как говорится, и под каждым под кустом, был готов и стол, и стул! А главное – никто мозги не пылесосит! Сам себе хозяин. Знатно быть гусеницей!

Эти размышления прервались с приходом во двор отца-полковника. Старик, похоже, уже принял дозу. Его движения были резки и разбалансированны, а последующая речь – крайне агрессивна. Закрыв толчком калитку, Спиридон Гаврилович зло ткнул пальцем в сторону Матвея и возопил:

– Дрыхнешь, сынуля?! И как совести хватает?! Отчего до сих пор нет спирта? Ведь уже неделю назад обещал? Смерти отца хочешь? А кто тогда кормить тебя будет?!

Матвей, не раскрывая век, флегматично пробормотал:

– Папа, задолбал уже. Не трогал я спирта. И мемуары твои мне – как собаке пятая нога. Я оперу сочиняю про Луку Мудищева. Товарищ стихи дал... Музыка – жизнь моя. Великого Моцарта похоронили в общей могиле, Уотерс разругался с пинкфлойдами, а ты – со своим спиртом!

– Брешешь! – обрубил старший Котенко, и с неожиданной прытью просеменил к отпрыску. – Вечно брешешь! Говори, куда спрятал мои листы воспоминаний? Продал за самогон жизнь отца?! Эх, Матвей, Матвей, – ведь помру скоро!

У Кафкина затекла одна из лапок, и он пожелал переменить позицию. Ворочаясь, задел мелкую засохшую прошлогоднюю грушу, и та немедленно оборвалась. И упала, как назло, с невероятной точностью на закрытое око Матвея.

– Ты что творишь?! – возмутился тот, справедливо думая, что это выходка отца. Но, раскрыв глаза, узрел он прямо над собой изогнутое сине-зеленое тело. Тут же вспомнился ему недавний ночной ужас с двумя толстыми змеями, и ударил по двору совершенно немзыкальный вопль:

– Анаконды! На груше!

Матвей с нежданной энергией взлетел над скамьей и, сломя голову, кинулся прочь со двора. Отставной полковник вытаращил на сына подслеповатые глаза, плюнул и покрутил пальцем у виска. А Кафкин понял, что представление окончено и пора убираться восвояси. Он выпустил слюнонить, стремительно спикировал по ней на землю и скрылся в траве.

В другом случае перед ним предстала во всей правде жизнь семьи Оборвышевых. Действо также вершилось во дворике. Что это было? Любовь? Страсть? Ненависть? Пожалуй, самое точное определение – единство и борьба противоположностей. Супруги спорили, причем Елена настаивала на необходимости закупки дополнительных капканов и несения ночной вахты для поимки анаконды, а Харитон толковал о космических пришельцах.

– Анаконды капустой не питаются, дура, – пояснял он жене. – Их рацион – мясо. Поэтому не станут дергать капусту из почвы. А вот пришельцы – запросто! По телику показывали, как они пшеницу на поле кругами крутят. На Кубани, в Англии... Теперь вот к нам прилетели, а поскольку мы пшеницу не сеем, стали капусту вертеть. А она не крутится, а только выдерживается. Видать, едят они ее. А ты все: змея, змея... Думать надо – у тебя ж не кочан на плечах!

– Вот послал бог идиота! Говорю ж тебе, бестолочь, что своими глазами видела. Здоровая, толстая, волосатая змея! И к Котенкам ночью анаконды заползали!

– Во-во – у тебя все время толстое да волосатое в башке! Видать, климакс наступил.

Суета сует, мирская суета, вспоминал Григорий Францевич слова библейского классика, уползая на родной огород. Вот где истинная жизнь! Он и раньше интересовался насекомыми. Теперь же, находясь постоянно на природе, чувствовал в них родственные души и все больше проникался своей новой ипостасью.

Особенно привлекали гусеницы, бывшие хоть и значительно меньшей в сравнении с ним длины, но ведущие такой же несуетный и благородный образ жизни. Вот где видны были настоящие достоинство и культура, не то что у людей! Они потребляли овощи без суеты, без дурацких разборок с криками и потасовками... Настоящая аристократия грядок!

Кафкин обнаружил, что эти его маленькие безобидные родственницы не лишены проблем. Иной раз доводилось видеть, как на гусеницу налетает злобная оса да со всего маху вкалывает в несчастную трубчатое жало. А потом через него закладывает в обездвиженную гусеницу яйца. Подобную операцию проворачивали и другие крылатые твари, внешне сходные с мухами и комарами одновременно.

Увы, и здесь были свои халявщики и халявщицы, норотившие въехать в рай на чужом горбу! Следовало постоянно быть начеку. Осторожность требовалась в сто крат большая, чем Штирлицу с пастором Шлагом! Птицы, пауки, осы, мыши... Впрочем, от одной опасности он

точно избавился: Жердь с журналюгой перестали его искать и появлялись на огороде крайне редко – лишь затем, чтобы сорвать какой-нибудь овощ.

А потом пришла пора новой линьки и уменьшения длины. Кафкин сократился до размеров половины цветного шнурка от детской кроссовки. Соответственно, пищевая потребность опять уменьшилась, а дополнительным плюсом нового облика стала возможность заползать и укрываться на ночь или в непогоду под листьями кочанов. Теперь для Кафкина практически наступил ожидаемый им когда-то коммунизм. От каждого – по способности, каждому – по потребностям! Или: лопай, пока не лопнешь! И Кафкин лопал. Он ощущал, что в этом и заключен смысл его нынешней жизни, так как приближается Событие. Что это такое, Григорий Францевич не знал, но интуиция продолжала нашептывать: ешь, усиливайся, копи энергию!

Затем случилась еще одна линька, вплотную приблизившая его размер к физическим параметрам сестер-гусениц. Они уже не боялись его, а просто не обращали внимания. Бывший советский майор успешно входил в общину и жил теперь, подобно своеобразному репатрианту, уже общими заботами огородно-гусеничной кибуцы.

И однажды это началось! Переполненный запасами органики Кафкин нестерпимо возжелал заползти на какую-нибудь стену, забор, столб или дерево, чтобы приступить к выполнению Миссии. После недолгих поисков на чердаке нашлось укромное сухое местечко под балкой; там он с неожиданным проворством сплел из слюнонити небольшой шелковистый гамак-подушку, который прикрепил к балке. А потом обвязался, уткнулся в него да и замер, погрузившись в нирвану.

Мысли умчались куда-то, а сознание, утратившее связь с реальным огородно-деревенским миром, растворилось в Потустороннем и Непознанном. Время остановилось для Кафкина.

Через сутки отвердевшая гусеничная кожаца бывшего политрука лопнула, а сам он стал куколкой.

Глава 8

Я – бабочка!

Что это было? Когда? С кем? Григорий Францевич медленно приходил в себя, возвращаясь оттуда... Откуда? Может, это была другая Вселенная?

Кафкин очнулся. Кто он? Почему темно и тесно? Шевельнуть нельзя ни рукой, ни ногой. Кто ж так запеленал?

Неужто Верка измывается? Не девочка уже – тридцать восемь лет, скоро помирать будет, а все выкобенивается, дура, шутки шутит нелепые. Да и он – не мальчик, чтобы такие подначки ему устраивать: сорок лет вот-вот исполнится. Юбилей будет, мясо шашлычное пора мариновать...

«Юбилей». Тут в мозгу его щелкнул выключатель, и яркими буквами зажглось это слово, а дальше начали являться также иные картины. Да ведь юбилей-то уже отметили! и шашлык жрали. Крупские из солнечного Магадана заявились с рогами. За здоровье его чокались, Верка хвалебные вирши гнала, Оборвышевы ругались. И были еще двое – молодой очкарик с лысым хреном в оранжевых простынях. Лысый что-то подарил... Точно, бутылек с настоем трав!

И Кафкин вспомнил все. Этот оранжевый колдун снадобьем своим его в гусеницу обратил. Сколько кочанов с тех пор переедено! Швабра со шпионом журналюгой в чулане дрессировали, куплеты матерные заставляли писать! Котенко, подлец, энциклопедию выкрал! Сын его спину до самых кишок продавил! У соседей собаки-монстры во дворе бегают. У Оборвышевых – капканы в огороде.

Так, где он теперь? На чердаке! Сам же сюда залез и гамак-подушку сплел. Для чего? Чтобы Миссию осуществить. Теперь, когда очнулся, пора приниматься за дело!

Он стал дрыгаться и вибрировать всем телом. Постепенно теснота проходила, пелены ослабевали, и даже стало возможно чуть приоткрыть глаза. Еще чуть-чуть поддать! Где-то рядом треснуло, ко лбу притек свежий воздух, зазудело в спине...

Он завертелся, освобождаясь от органических лоскутьев, и руками-ногами стал упираться в нечто, что пленяло пока еще тело. Руки? Ноги? Какое там: лапки, как и прежде. Вот только стало их теперь гораздо меньше. «Любопытно, – подумал Кафкин. – Видно, свершилось! Кто ж я теперь? Куколка в коконе? Да ведь у куколок рук-ног нет. Стало быть?»

Еще энергичнее задвигался, голова освободилась, и увидел Кафкин, как распрямляются у него элегантные тонкие усики с шишечками на концах. Скосив глаза, обнаружил под ними присутствие длинного раздвоенного отростка, сходного слегка с комариным клювом. Половинки клюва-отростка соединялись маленькими крючками и ворсинками. Это не понравилось отставному политруку, и он вынужден был энергичной мимикой лица скрутить раздвоенную пару в нормальный цельный нос-хоботок. Тот, впрочем, вызывающе-неприлично торчал и совершенно не гармонировал. «Надо бы закрутить, – подумал Кафкин, – чтобы не перепутали меня со слоном или комаром». Напряг образованное торчалово, и оно, послушное воле владельца, тотчас скрутилось подобно пружине в наручных часах.

Вот теперь все пучком, удовлетворился Кафкин. Он сообразил, что эта штука – для удобства питания. А под ней обнаружились маленькие щупальца. Их назначение тоже было ясно: для распознавания пищи от несъедобной дряни.

Дальнейшей тряской и вибрацией Кафкин сумел себя полностью освободить. Новые лапки были полны силы и цепкости. А на спине-то... Кажись, крылья там?! Григорий Францевич на миг задохнулся от восторга. Вот тебе и на! Значит, бабочкой стал!

Сморщенные и влажные крылья нужно было просушить. Кафкин принялся интенсивно вдыхать чердачный воздух и надуваться; он, как автомобильный насос, погнал по венам внутреннюю жидкость, таким образом способствуя разворачиванию крыльев.

Когда они полностью расправились, некоторое время побыл в неподвижном состоянии; крылья слегка подрагивали, а он косил на них глаза да любовался узорами. Красотища: белый общий фон, на передних крылышках проходит почти до середины опояска из темной канвы, и имеются черные пятна, а на задних – просто неброские черные вкрапления посередине. Как парадка офицера-моряка, которым когда-то мечтал стать. При распределении не повезло – сунули в стройбат, а вот нынче пришло его время! Форма – морская; хоть без кортика, да зато летать будет!

Оставалось последнее: избавиться от остатков прошлой гусенично-куколковской жизни, отделиться от лишней, переработанной в спячке органики. Кафкин счистил мусор, выполз осторожно через щель на крышу и, наконец, – взлетел!

Ах ты! Какая благодать! Да ради этого уже надо было благодарить оранжевого колдуна! Несказанная легкость и невесомость полета живо напомнили Григорию Францевичу давние детские сны, когда он парил над полями, над лесами, над облаками...

Открывшийся простор и расстилающиеся пейзажи пьянили. Кажется, недавно прошел дождь, или гроза. Земля, деревья, строения – все было мокро, а кусок неба на востоке еще был утяжелен черными тучами; зато другой кусок, с сияющим ослепительным солнцем, был лазурно-чистейшим. Черные облака, уходящие к горизонту, исторгали временами молнии, и на их фоне Кафкин узрел дрожащую и переливающуюся исполинскую радугу. Мир праздновал возрождение новой бессмертной души!

Полет не составлял ни малейшего труда, но Григорий Францевич подспудно понимал, что нужно помнить о безопасности. За все платим, думал он. Человек не может летать, зато почти никого не боится – кроме, разумеется, американцев, начальства и жены. А стал бабочкой – порхай хоть до второго пришествия, но, увы, любая галка может тебя клюнуть.

У Оборвышевых увидел живописную клумбу. Пора и нектарчику засосать. Опускаясь на аппетитный желтый цветок, с легкостью выполнил несколько «бочек» и «петель Нестерова». Затем Кафкин распрямил нос-хоботок и сунул в цветочную чашечку. Райский напиток! И как можно было раньше глотать яблочный самогон?!

В новую жизнь Григорий Францевич вступил в сентябре, когда народец на огородах принялся за сбор картофеля. Световой день сократился, тепло стало сменяться холодом ночей, а солнце все чаще заслоняли облака. Периодически накрапывал дождь.

Кафкин мгновенно освоился в качестве бабочки и при этом отлично осознавал, сколь он теперь стал нежным и ранимым. Сильные порывы ветра, крупные дождевые капли были опасны для крыльев. От докторов помощи ждать не приходилось, поэтому оставалось рассчитывать лишь на самого себя: забираться при непогоде в первые попавшиеся укрытия. При этом нужда заставляла использовать даже злачные места типа оборвышевской уборной, куда пришлось скрыться однажды при внезапно налетевшем шквале.

Очень донимал холод. Низкие температуры сковывали Григория Францевича, его тело коченело, мышцы не могли двигать крылья. Холодными днями он складывал крылья так, что они отражали солнечный свет на грудь. А в солнечную погоду ему нравилось расправить их и застыть в неподвижности на горячем шифере крыши своей избушки. Пользительны для здоровья были также теплые куски глиняных кирпичей, но красный фон их не способствовал конспирации. Когда бывало совсем жарко, Григорий Францевич предпочитал развернуться бочком к солнцу и свернуть крылья, подставив светилу лишь их кромки. Ночью же вынужден был залезать под крышу дома своего, где его караулили хищные осы, пауки и муравьи.

Сидя днем на солнцепеке, Кафкин философствовал о бренности бытия и смысле жизни. «Действительно, – размышлял он, – на кой черт нас сотворила мать-природа? Был я человеком, поступил в политучилище, изучал там марксизм-ленинизм, потом – замполитствовал, воинам мозги пудрил, Жердь замуж взял, на пенсию вышел, огородничал... А зачем? Чтобы напоследок помереть? Да ведь не один я такой! У всех – та же картина. Родился, женился, помер. Некоторые еще спиногрызов рожают по глупости. Кто-то президентом становится. Ради чего? Даже оранжевый ни черта со своим киртаном не объяснил. Спел он „Харе Кришна!“ – и что? Потом столько шашлыка сожрал, что – мама моя! А я? Переродился в гусеницу, теперь вот бабочкой стал. Отлично! Порхай да любуйся природой. Но опять: жрать, жрать и жрать. А дальше? Эх-ма, как там пел Лев Лещенко когда-то: „А мне всегда чего-то не хватает, зимою – лета, осенью – весны!“ И – несправедливость кругом. Никому не вредишь, никого не трогаешь, а тебя все норовят умять. Даже от людей добра не жди. Например, соседка Елена: посадила вонючий укроп и ромашки, от которых одна сплошная аллергия! Прав был ее муж: типичная дура! И капканы ставит...»

Иногда Кафкина тянуло попить воды из луж, при этом он зачем-то еще и взмучивал воду взмахами крыльев. Со дна всплывали грязные частицы, и он засасывал их хоботком, удивляясь собственной деградации. А ведь раньше таким аккуратистом был и жене замечания делал, если она в скатерть или занавеску сморкалась!

Духовные поиски подтолкнули Григория Францевича к большим контактам с нынешними соплеменниками. Бабочки, как и люди, существа общественные, решил однажды Кафкин. Прав, тысячу раз был прав вождь, когда писал, что жить в обществе и быть от него свободным – нельзя. Пришло время влиться в коллектив!

Некоторые сестры сбивались в небольшие стайки. Как видно, вместе-то сподручнее. Вместе весело летать по просторам! Кафкин робко подлетел к одной из стаяк и стал копировать движения сестер. Удалось! Кажется, они посчитали его своим. Замечательно! Этак, дай бог, может, со временем получится у них выдвинуться на какую-нибудь должность! С таким умом, образованием, знанием марксизма-ленинизма и опытом работы с личным составом! А?! До заместителя командира стаи по политработе вырасти можно будет! А? Учение о классовой борьбе пока никто не отменил. Или тут уже – коммунизм?

Полетав в стае, он уяснил, что в новом мире Марксовы теории не работают: крылатое население не интересуется прибавочной стоимостью и думает лишь о порхании, насыщении да половом распутстве. Постоянно образовывались влюбленные парочки, которые вначале лишь кружили друг вокруг друга, а затем, спустя малое время, уже и уединялись на капустных листьях, цветках, теплых досках или кусках шифера да и начинали свальный грех.

А потом наступил и его черед! Кафкин установил, что рядом кружит подозрительное энергичное существо, сильно и приятно пахнущее геранью. Бабочка эта была большего размера и явно хотела ласки. Ее виражи вокруг Григория Францевича сокращались, а гераневый дух ощущался все сильнее. Бывший замполит от этого возбудился против собственной воли и впал постепенно в состояние, сходное с испытанным в первую брачную ночь. Он принялся неосознанно копировать движения крылатой прелестницы, и вышло, что воздушный вальс постепенно отдалил их от стаи.

Лишь только они приземлились на теплый кусок рубероида, Кафкин пришел в неистовство: задрожал мелко и быстро, закрыл глаза. А потом, плюнув на мораль и осторожность, распутнейшим манером приставил конец своего брюшка к чужому. И, как сказал бы тесть, понеслась блоха по кочкам! Сколько времени они предавались страсти, он не знал. Минуты остановились, мысли улетели, и Кафкин замер монументально, как пирамида египетская.

Когда он, тяжело переводя дыхание, вернулся в реальность, полового партнера уже рядом не было. На востоке алело закатное небо, и становилась прохладно. Пора было искать место для ночлега, и он полетел к ближайшей капустной голове, тяжело перебирая крыльями.

Живот бурлил. Что там творится? Кафкин заполз под капустный лист и насторожился. Понос? С чего бы? Похоже, организм готовился выкинуть какой-то необычный фортель! Какой? А вот какой! Григорий Францевич, ведомый незримой силой, перебрался на обратную сторону листа, приложил к нему конец живота, и – ядрена вошь! – через пару секунд выдавил яичко диаметром не больше миллиметра. «Бог ты мой, – ахнул он, – что же происходит? Рожая? Как меня угораздило? И так быстро?»

Форма и окраска яичка напоминали миниатюрный лимон с коркой, покрытой рядами ребрышек. «Вот это да, – дивился Кафкин, – я что ж, подобно курице яйца несу? Да ведь если Верка узнает, то от смеха лопнет! Однако какой тут смех?!» Из брюшка полезли новые «лимоны», и, когда число их превысило сотню, Кафкин смирился.

Значит, матерью стал. А эти орали, что он – импотент... Обидно. Таких импотентов еще поискать! Он почувствовал неожиданный прилив гордости. Да, он – мать! А вот они так смогли бы? Бабка родила лишь одну Швабру, а та и на это оказалась не способна. А здесь – больше сотни! Завидуйте, твари! Он столько новых существ дал миру. Можно сказать, целая Вселенная родилась!

Его просто распирало от восторга. «Вот оно – то, для чего я родился. Связь поколений, продолжение рода! Я даю новую и лучшую жизнь потомкам, передаю им частичку своей бессмертной души!»

И какими ничтожными показались теперь Кафкину бывшие устремления и заслуги: училище, служба, «Совет-с кая военная энциклопедия», «жигули»... «Все это – тараканьи бега и мышьяная возня, – думал Григорий Францевич. – Как можно было забыть о своем предназначении, заповеданном Кришной? Кришной? А есть ли имя у того, кто все сотворил?»

Ответ был, но находился он в Гималаях. И Кафкин расправил крылья: надо лететь туда – в Шамбалу и устроить киртан! Да попить нектарчику из ихних цветов и трав!

Глава 9

Бессмертие

Кафкин абсолютно проникся мировой добротой и бхагаватгитовским пониманием сути вещей. Он с умилением взирал с высоты на простирающиеся дали, на дома, огороды, поля, луга, реки, рощи и леса.

«Я так хочу, чтобы лето не конча-алось, чтоб оно за мною мча-алось, за мною вслед...» – напевал он негромко себе под хоботок любимую пугачевскую песню, легко и непринужденно перебирая крыльями. Остывающий сентябрьский воздух нес его навстречу новой, райской жизни в волшебной Индии, туда, где росли заповедные травы и зрели в ярких цветках неопробованные еще нектары.

Сколько времени длился полет, он не знал, однако стало совсем темно, и пора было устраиваться на ночлег. Экс-замполит, в совершенстве овладевший всеми премудростями воздушного пилотирования, спикировал по сложной узорчатой траектории на обширную поляну, придирчиво ища надежное место для ночлега. Важно было в первую очередь обеспечить безопасность сна от гнусных поползновений разного рода синиц и сорок, а также крайне разношерстной прожорливой братии из разряда насекомых.

«Сколько все же на свете творится несправедливости, – думал он, карабкаясь по широкому листу лопуха. – Всякая тварь норовит тебя заглотить, невзирая на душевную щедрость и тонкую чувствительность! А нет чтобы с лаской, этак, по-кришнаитски, с вегетарианским пониманием! Сесть бы с жуком-короедом на ромашке да интеллигентно обсудить вопросы мироздания. Причем вовсе не обязательно при этом сослаться на Маркса с Энгельсом!»

Григорий Францевич вздохнул: душа стремится ввысь, а приходится забиваться в щели. Ну, ничего, ничего! Вот долетим до Гималаев, пососем нектарчику, превратимся опять в человека, тогда поглядим. Отольются живодерам наши слезы, ох, отольются, – накажет вас Кришна!

Он совсем расслабился в мечтах о возвращении в свой естественный человеческий облик, а зря! Рано, слишком рано почувствовал себя в безопасности Кафкин-капустница, ибо на этом же лопушином листе притаился, слившись с ним цветом, неподвижный коварный хищник паук-бокоход! Мелкая тварь, размером едва достигающая сантиметра, давно уже сидела и поджидала добычу.

Все свершилось в одно мгновение! Бокоход стремительно выбросил вперед четыре удлиненные передние лапы и ухватил ими Григория Францевича.

«Мама дорогая, что ж такое творится!» – успел подумать возмущенно экс-майор, и тут его захватили паучьи хелицеры, из которых хлынул парализующий яд. Вслед за этим сознание Кафкина помутилось и словно бы растворилось во вселенском потоке времени, а потом...

А потом Кафкин осознал себя вновь изменившимся. Он теперь был не бабочкой, нет: та (недавно еще бывшая Григорием Францевичем) лежала неподвижно в его могучих руках-лапах, и Кафкин с аппетитом высасывал из нее содержимое. Он сладострастно причмокивал, чувствуя, как в новый, голодный желудок поступает необходимая органика, как наливаются силой новые члены.

Отвар-настойка кришнаита подействовал неожиданным образом, и переселил-таки душу Кафкина после смерти в новое тело! Правда, это был уже не добряк кришнаит, а скорее агрессивный нищсеанец.

«А ведь я теперь паук, – понял вдруг бывший стройбатовский замполит. – И глаз у меня уже не два, а побольше будет. Ишь, какой обзорище: даже то, что сзади расположено, вижу. Ексель-моксель, ведь что творится на белом свете! Действует, еще как действует отварчик! Вот тебе и бессмертие в чистом виде! Новая ипостась, так сказать. Да-а, о таких делах классики марксизма-ленинизма и не подозревали! Как там было сказано у Ленина: электрон неисчер-

паем, как и атом?! Вот тебе и „неисчерпаем“; поперло перерождение со страшной силой! Новые истины открылись и смыслы жизни. Теперь яснее стало, что главное в ней борьба противоположностей. Гегелевская диалектика в чистом виде: жрать, жрать и еще раз жрать! Но что теперь делать? Как прикажете двигаться в Гималаи? Без крыльев-то оно трудненько будет!

Конечно, в паучьем теле есть свои плюсы, – сказал сам себе Григорий Францевич. – В первую очередь безопаснее. Заметности меньше. Сидишь себе на листочке, цветом с ним сливаясь, и ждешь, когда пища рядом окажется. Бабочка, какая ни то, комарчик, стрекозочка...»

Он обнаружил, что, войдя через желудок душой в паука, ставши телесно им, обрел автоматически новые потребности и навыки. Его уже не прельщала капуста, не привлекала воздушная акробатика, да и недавний альтруизм испарился, но зато появились агрессивность и необычайная пронырливость. Выпив бабочку и оставив лишь ее внешнюю твердую оболочку, Кафкин затем неожиданно для себя самого отбежал боком к краю лопушиного листа, быстро перевалился под него, выпустил из живота нить и, оттолкнувшись, полетел на ней к земле подобно цирковому ловкачу гимнасту. На земле забрался под кусок отвалившейся сосновой коры, приняв телом темно-коричневый цвет, и замер под ним.

Отдохнуть надо, подумал он. Переварить, наметить план действий. Поляна для охоты неплохая. Травы с цветами много, так что бабочками, мухами, пчелами здесь он обеспечен до зимы. Муравьем можно при случае подкрепиться, кузнечиком. Можно жить в бутонах, можно на древесных стволах, можно среди опавшей листвы. При дожде защитят листья лопухов. Все верно, да только, как говорится, не мухой единой жив паук! Тем более, имея в виду круговорот перерождений. Надо продолжать движение к Гималаям, но, черт подери, где они? Был бабочкой, чувствовал направление, а теперь как-то потерял нюх. Сверху все видно было, ядрена вошь! Вот что: надо забраться на самое высокое дерево и осмотреться! Верно! И, постигая скрытые возможности своего нового организма, можно ведь выпустить из брюха шелковую паутинистую нитку да и того-с, полететь с ее помощью.

Удивительная метаморфоза, случившаяся при процессе поедания-перерождения, обогатила сознание бывшего замполита паучьими инстинктами, но сохранила при этом все прежние мысли и желания. Впрочем, сохранила ли? Не утратил ли Кафкин, хоть и оставшись по-гималайски бессмертным, чего-то при «переходе» из прежней жизни? Не исключено, однако.

На следующий день Григорий Францевич дождался, когда высохнет роса, и отправился на поиски самого высокого дерева из тех, что окружали поляну. Сразу же стало ясно, что задача не из простых. Во-первых, из-за стеблей, листьев, травы и деревьев ни бельмеса не видно, а во-вторых, и двигался он, не в пример бабочкиному полету, медленно.

Солнце поднялось высоко, когда Кафкин смог наконец добраться до ближайшего елового ствола. Ему было уже наплевать, самый высокий он или же нет, поскольку энергии было потрачено немало. Голод подпирал, силы оставляли его, и, можно сказать, Григорию Францевичу просто повезло, что по дороге удалось прихватить и отцедить плюгавого сонного комаришку. Тот купился на кафкинскую уловку: бывший замполит, увидев крылатого дуралея, застыл на месте с поднятыми и широко распростертыми, словно бы для дружеских объятий, рабочими лапами, а комар потерял бдительность...

Затем Кафкин стал карабкаться вверх по коре, проклиная ее неровность и одновременно восхищаясь новыми сверхспособностями. Цепкость у него обнаружилась просто феноменальная, гораздо лучше, чем в гусеничном обличье.

Жаль, жаль, что, когда был человеком, не обладал такой хватистостью. В любую женскую баню мог бы забраться, в любую бы дырку пролез. Кстати, о женщинах. Бабы бабами, но сейчас гораздо важнее новые сородичи! Кафкин ощущал в себе неведомое доселе желание совокупиться с пауком. И при этом стрескать его, родимого, со всеми потрохами! Как видно, при перерождении из бабочки бывший офицер Советской армии остался самкой...

Долго ли, коротко, но только одолел он презряднейшую дистанцию и взобрался на самую макушку дерева, на самую высокую иголку. Та трепетала под порывами ветра, и Кафкин некоторое время пытался сообразить, в какую сторону ему надо лететь. Постепенно, однако, его паучье-человеческие мозги подсказали решение: Гималаи находятся на юге, стало быть, и лететь надо туда. Просто следует сориентироваться по солнцу: где он, этот юг? Взшло светило на востоке, а теперь поднялось уже высоко-высоко и прямо над головой жарит. А что из этого следует? А то, что восток там, а юг правее на девяносто градусов!

«Так-то, товарищи, – ухмыльнулся Кафкин про себя, не зря в военном училище науки проходил! Восток дело тонкое!»

Оставалось дожидаться порыва ветра в нужном направлении, но перед этим еще следовало подготовить средство передвижения. На одной паутинке далеко не улетишь. И тут пригодилось ему некое неожиданное умение: он быстро и ловко из брюшной нити соткал легкий мешочек типа воздушного шара, который соединен был нитью с ним, и... И вновь продолжается бой!

Ветер дунул, Григорий Францевич отцепился от еловой иголки и, подобно братьям Монгольфье, поплыл по небесному океану, влекомый восходящими воздушными потоками.

Стояла глубокая ночь. Кафкин знал, что приземлился недалеко от реки, – он видел при спуске ее блестящий изгиб, отраженный под луной.

Первым делом следовало осмотреться, однако, на беду, многочасовой полет и болтанка на паутинистом шаре вызвали у Григория Францевича нечто, напоминающее человеческую морскую болезнь. Его страшно мучило, и тотчас по приземлении он не сумел сдержать позыва к рвоте. Это его и подвело!

Блюющий паук – легкая добыча, поскольку не видит ничего вокруг, несмотря на все восемь глаз. А ведь на каждое живое существо и даже хищника всегда найдется другое, которое захочет им попитаться.

Пока Григорий Францевич исторгал из себя останки комара, неприметное в ночной мгле коричнево-серое животное с длинным хвостом готовилось к броску. Так вот и случилось, что, освобождая свой желудок, Кафкин сам в мгновение ока оказался в желудке чужом. Еще секунда – и, разжеванный и измельченный, он прекратил существование, явив примером своим яркое подтверждение картины Питера Брейгеля «Большие рыбы поедают малых». И опять переселился!

Вот ведь какие дела приключились, сначала из бабочки стал пауком, а теперь случилась новая коллизия. Ощутил Григорий Францевич себя мышью.

Мышью! По сравнению с паучьей ипостасью стал он значительно крупнее и мощнее: тело выросло до восьми сантиметров, а вес – до тридцати граммов. Вместе же с хвостом приобрел Кафкин длину почти пятнадцать сантиметров, что принесло ему глубокое моральное удовлетворение. Став мышью, то есть существом высшего порядка, Кафкин моментально осознал всю выигрышность статуса в сравнении с недавним еще положением насекомого.

«Гусеница, бабочка, паук – лишь только жалкие формы существования биоматерии, – подумал Кафкин сразу же, как только душа его объединилась с новым телесным носителем. – Что такое насекомое? Тьфу, мелкая презренная тварь, годящаяся лишь для пищи королям природы мышам! Мыши и люди – вот кто почти близнецы-братья!»

Григорий Францевич усмехнулся: певец социализма Маяковский вообще заметил бы, что, мы говорим «человек» – подразумеваем «мышь», мы говорим «мышь» – подразумеваем «человек»!

Он и в самом деле стал походить на себя прежнего, молодого и юркого лейтенанта: заостренная физиономия-мордочка, большие блестящие глаза, чрезвычайно длинные уши.

Кафкин ощутил в новом своем грызуньем теле небывалое возбуждение и активность. Свежие мысли вихрем пронеслись в голове, и превалировала в них главным образом оза-

боченность предстоящими холодными месяцами. Он знал, что в зимнюю спячку впадать не будет, а следовательно, архиважно позаботиться о создании пищевых запасов: семян лиственных деревьев, сушеных ягод и грибов. Если возможно, разведать места зимовки жуков, личинок и прочих насекомых. «Продовольственная Программа – дело особой государственной важности!»

Следовало также оборудовать жилище, желательнее теплое, где-нибудь в дупле старого дерева. Разумеется, оптимальный вариант – поближе к людям, чтобы устроиться на складе или зернохранилище, где можно обеспечить себе идеальную кормовую базу. Бороться и искать, найти и не сдаваться! Очень хороши для поддержания духовного здоровья зерна пшеницы, ячменя, ржи, овса. Подойдет также какой-нибудь лесхоз, где в изобилии есть семенной фонд бука, клена или липы. Главное – действовать, действовать и еще раз действовать!

Григорий Францевич подпрыгнул на месте от избытка энергии и ударил хвостом по земле. Ух, сколько сил имеется в наличии! Что еще? Ах да, нужно добираться до Гималаев.

Мысль о Гималаях не вызвала у Кафкина прежнего энтузиазма. Он даже поморщился недовольно. «Отпустите меня в Гималаи?» Конечно, с одной стороны, надо туда рвать когти, а с другой – на кой ляд? Что он там не видал? Травы индийские? Перерождение? Опять превращаться в человека? Хм, хм... Да ведь он и так почти что человек, только с хвостом! Хотя...

Увы, цепочка перерождений, похоже, постепенно влияла на мировоззрение Кафкина, а животная сущность тех, в кого он вселялся, начинала доминировать, вытесняя прежние людские потребности. Кажется, еще недавно размышлял он о новой машине, о подвигах во имя Отчизны, о наградах и званиях... О женских банях, в конце концов, елки зеленые! И вот, пожалуй, Гималаи отходили на второй план, очеловечивание становилось все менее актуальным, а в приоритете оказывались мероприятия по противодействию совам, хорькам, ласкам и лисицам. Да еще блохам, которые обнаружили на новом теле Григория Францевича.

Мелкие паразиты покусывали экс-замполита, и он настроился кардинально решить проблему. Как? Продолжительным купанием в реке, которую видел пауком сверху. Она была недалеко, стало быть – вперед!

«Мышь без моих мозгов – обычная дура, – подумал Кафкин, семена к воде. – Как моя бывшая Швабра! Как-то она теперь со своим прохвостом-журналюгой? Небось, бросил ее? А может, дело какое на них завели, уголовное? Все же, как ни крути, а человек, то есть я, пропал. Может, они меня расчленили, хе-хе? Прокурорские вас выведут на чистую воду, аферисты. Ладно, Кришна с вами, живите, как умеете. У меня теперь другие заботы».

Переходя поляну, наткнулся на мусор: несколько пустых бутылок из-под «Агдама», рваные полиэтиленовые пакеты, окурки, битое стекло, пластиковые мятые стаканчики... «Видимо, народ вылазку устраивал, – подумал Кафкин. – Это хорошо. Значит, рядом люди живут. Может быть, деревня, может, город? Следовательно, есть шанс найти хорошую помойку или свалку, где еды будет вдоволь. Впрочем, еда – это еще не все: можно будет аккуратно пробираться в жилища и жить в комфорте. И послушать их разговоры. Наверняка проговорятся, где живут. В смысле: какой населенный пункт. А уж исходя из этого можно строить и планы по Гималаям... Хотя, стоит ли? Ладно, главное сейчас – избавиться от блох!»

Кафкин понюхал горлышки агдамовских бутылок, подспудно надеясь, что остались хотя бы капельки бывшего их содержимого. Сухо! Ну, правильно, это ж когда народ здесь гудел?! Конечно, давно все испарилось, забодай вас комар! Эх, сейчас бы хлопнуть коньячку!

Озабоченный, Кафкин продолжил движение к реке, местонахождение которой чутко улавливал своим остреньким носом.

Жизнь в мышинном теле, при всей ее прелести, требовала все же расторопности и осторожности. Кафкин работал по ночам. Благодаря отменному слуху, он чутко реагировал на малейшую опасность в лице хищников, разных сов-филинов и паскудных гадюк. Он вырыл

себе недалеко от реки хорошо скрытую норку, пригодились армейские навыки по устройству бомбоубежищ от ядерных ударов, и, постепенно наполняя ее съестными припасами, изучал окрестности.

Выяснилось, что не слишком далеко было расположено селение, откуда выходили изредка для разжигания костров и гульбищ разношерстные гоп-компании. Мероприятия эти нравились Григорию Францевичу, и он обычно наблюдал за весельем людей, притаившись под корягой или камнем. Они пили, пели, занимались духовным разложением, а потом уходили, оставляя ему богатый выбор обедков.

Кафкин не считал употребление продуктовых остатков чем-то недостойным своего прошлого. «Нынче всем тяжело, – рассуждал он, – страна находится в опасности, враги и наймиты Запада развалили Союз, школьницы мечтают стать проститутками... А еще – осень, дни становятся короче, ночи – длиннее и холоднее, так что гуманитарная помощь, хоть и в виде черствой корочки, – самое то!»

Доставалось иногда Кафкину и совсем уж неземное наслаждение: слизнуть капли алкогольных напитков, если они еще не успевали выветриться с горлышек оставленных людьми бутылок. Тогда жизнь становилась совсем уж райской, ни о каких Гималаях и перерождении думать вовсе не хотелось, а просто возникало желание найти здорового лесного мыша да и отдаться ему полностью, без остатка!

С каждым днем лесной жизни он все сильнее вживался в образ шустрого длиннохвостого зверька. Постепенно в памяти стирались человеческие устремления, тускнели и расплывались образы знакомых когда-то людей, забывались не только понятия, но также и слова. Со временем и речь людская стала для Кафкина малопонятной, и он с огромнейшим трудом мог понимать, о чем толкуют возле костра разгоряченные двуногие гиганты.

А вообще, конечно, надо было перебираться на жительство к кому-нибудь из них в избу или квартиру. Он решил проследить людей, и в конце октября отправился в направлении селения за подгулявшим хмельным обществом, состоящим из трех пожилых граждан и двух молодых девиц.

Граждане громко и матерно рассказывали анекдоты, девицы не менее громко гоготали и выкрикивали различные непотребства, а Кафкин, успевший перехватить несколько капель «Арпачая», шатко перебежал от камня к камню, от коряги к коряге, не спуская с них глаз. «Главное, ребята, сердцем не стареть!» – непрерывно крутилось бессмысленным набором звуков в его пьяном мышинном мозгу песенное выражение, всплывшее из какого-то глубиннейшего подсознания.

– По тундре-е-е, по стальной магистра-али-и! – заорал один из старых алкоголиков и ударил по струнам болтающейся на шее гитары.

– По стальной магистра-али! – поддержали его спутники мерзкими и фальшивыми голосами.

– А-а-а-а! – подпел, а вернее, подпищал им захмелевший Кафкин.

– Мчится поезд Вор-ркута-а-а – Ленингра-а-ад!.. – снова ударила гитара, снова вступили люди, снова запищал Григорий Францевич.

Так, под сменяющие друг друга песни, они и дошли до окраинного частного дома, возле которого большая часть народа пошла дальше, а одна из распутниц открыла калитку и вступила во двор.

Кафкин, тяжело переваливаясь, последовал за ней. Алкоголь, который шибанул его по мозгам, сделал бывшего замполита храбрым до безумия; он утратил приобретенную мышиную осторожность и твердо решил провести эту ночь в тепле. А что значит – «в тепле»? А то и значит, что хватит мыкаться в норе, пора перебираться на зимнюю квартиру! Григорий Францевич ловко прошмыгнул за девицей в распахнутую входную дверь и юркнул в сени.

Девушка присела на лавку и привалилась к стенке. Похоже, отдых и возвращение из леса домой крайне ее утомили, и она стала засыпать. Кафкин принялся осматриваться и водить носом, пытаясь уловить запахи съестного. Ароматы в сенях присутствовали: в основном пахло засушенными травами и грибами.

– Верка, стерва! – Тяжелый мужской голос ударил из распахнувшейся внутренней двери, и в проеме показался здоровенный детина с парящей кастрюлей в руках. – Ты где это надралась? Забыла, что у нас серьезный человек в гостях, что его кормить надо?

– Пшел он в баню! – грубо ответила девушка и свалилась с лавки, чуть не придавив рукой перепуганного Кафкина. – Я спать хочу!

– Спать?! – заорал детина. – А хрена лысого не хочешь?

Над головой Григория Францевича загремело: детина, как видно, ставил кастрюлю на лавку.

– Ничего, ничего, устала, пусть поспит, – произнес негромко еще один человек, молодой и обходительный, высовывая голову из дверного проема. – Я не в обиде. Главное, шум не поднимать. А то, сам знаешь...

– Да уж знаю, Юрик, – сбавил тон детина. – Не волнуйся. Здесь они тебя не найдут. А ежели чего, так отобьемся. У меня «калашей» три штуки, да еще «Макаров» имеется. Сейчас супец остынет, и поешь. Небось, оголодал, пока по лесу прятался?

– Три дня горячего не жрал, Петрович! – подтвердил молодой. – Нет, с алюминием надо завязывать, здесь все уже схвачено. Пристрелят, и не пикнут. Надо на нефть переходить. Есть варианты.

Его лицо исчезло, а за ним последовал и детина Петрович, волоча обмягшую девушку. Дверь закрылась, и Кафкин остался один. Сверху тянуло аппетитным запахом свежесваренного мясного супа. У Григория Францевича забурлило в желудке, из глубин подсознания всплыли вдруг стародавние пищевые воспоминания...

Надо непременно отведать горяченького! Он вдруг пьяно вообразил себя Лениным в шалаше на станции Разлив, стал карабкаться в темноте по шершавым ножкам лавки и вскоре сумел забраться на нее. Кастрюля пылала жаром и магнетически манила содержимым. Жаль, борта высокие.

Желание отведать супца стало у Кафкина нестерпимым. Он обнаружил на лавке лежащее тряпье и стал зубами тянуть его к кастрюле. Вариант для Григория Францевича казался вполне естественным: сложить из тряпья горку-возвышенность, забраться по ней к краю кастрюли и закусить как следует. В конце концов, выпить-то он уже выпил! Некоторое время он возился с тряпьем, слыша одновременно из комнаты скандальные крики: бас Петровича прерывался визгами и плачем девушки и примирительными увещаниями молодого. Потом все стихло.

Кафкин соорудил тряпичную пирамиду и стал торопливо по ней подниматься. Надо было успеть попробовать супчика, пока его не забрали двуногие твари. Забравшись на самый верх, он приблизил мордочку к краю кастрюли, и от восторга у него закружилась голова. Боже мой, это же какой пир духа!

Почти до самых краев кастрюля была заполнена ароматнейшим наваристым супом, в котором обильно плавали крупные куски мяса. «Главное, ребята, сердцем не стареть!» – снова завертелись в мозгу непонятные куплетные слова-звуки, и он, опершись лапами на край кастрюли, наклонился, чтобы предаться райскому наслаждению.

А-а-а!

С пьяных глаз он не сообразил, что огромная кастрюля еще не успела остыть, что слишком она горяча, да и сам супец еще почти кипятком! Все совершилось в одно мгновение: только что он стоял на куче тряпья, опираясь на кастрюлю, а вот уже и, бултых, барахтается в ней.

Страшный жар пронзил тело бывшего замполита, и в те несколько секунд, что еще билось сердце, пронеслась перед глазами Кафкина вся его бедовая земная жизнь, а затем мышинное тело, нахлебавшееся супового кипятка, пошло в его густую бездну.

– Ну, Юрик, кажись, остыл, – произнес детина Петрович, ставя кастрюлю на стол. – Супчик с кроликом. Ты ешь, а я не буду. Пощусь, мясного не ем.

– Отчего? – спросил с усмешкой тот, кого называли Юриком, и стал поварешкой наполнять глубокую алюминиевую чашку.

– Грехи отмаливаю. Сам знаешь...

– Ерунда все это! – Юрик тяжело уставился на Петровича. – Все мы грешные, только не мы такие, жизнь такая. Если в тебя долбасят из «калаша», приходится защищаться. Вот они меня теперь ищут, за акции дело шьют, а ведь я лишь справедливости хотел. А они из-за этого алюминия всех готовы жмуриками сделать!

Он подцепил ложкой кусок мяса и принялся его жевать, продолжая глядеть на собеседника.

– Ты думаешь, мне приятно, что я...

Тут он внезапно замолчал, и молодое лицо его скривила гримаса отвращения.

– Что это?

За секунду перед этим кафкинская бестелесная сущность, еще пребывающая в полусварившемся мышинном теле, успела легкокрылой бабочкой-капустницей выпорхнуть из него и вместе с частичками плоти, через рот, внедрилась-таки в жующего.

Наступил новый этап перерождений, и на этот раз снова в человека. Вот тебе и Кришна, ядрена вошь!

– Это что, мясо? – заорал Юрик, трясая за хвост дохлой вареной мышью перед изумленным детиной Петровичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.